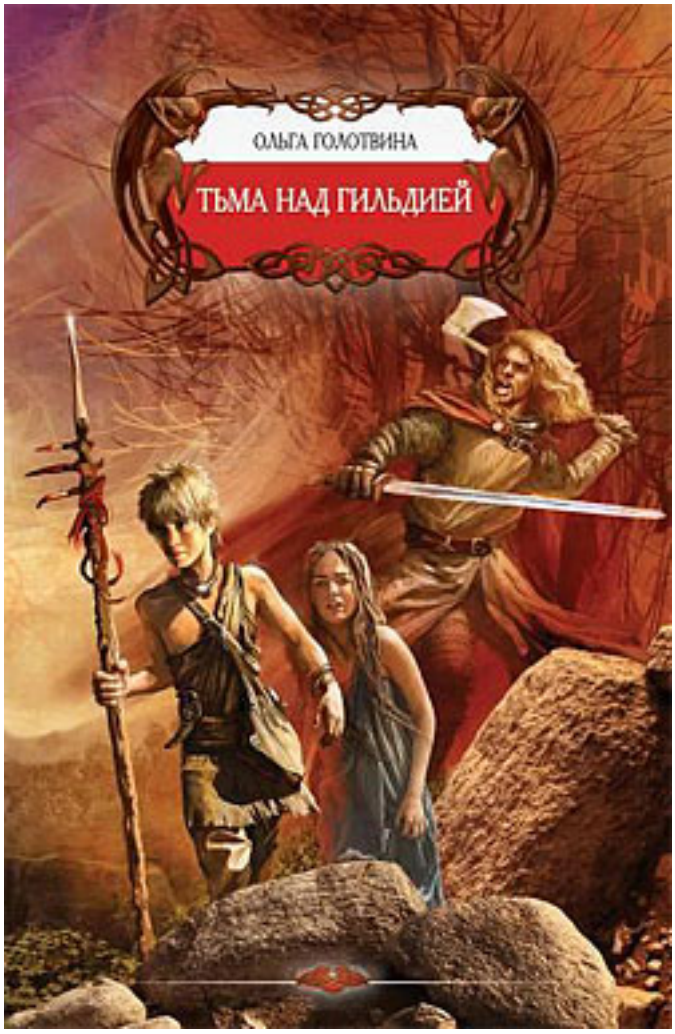
ОЛЬГА ГОЛОТВИНА
ТЬМА НАД ГИЛЬДИЕЙ

Ольга Голотвина

Тьма над Гильдией

Серия «Гильдия», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176907
Тьма над Гильдией: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-9942-0199-2

Аннотация

Странные и жуткие события происходят в Аргосмире. Корабли на рейде гибнут от загадочного холодного огня, который не боится воды. Неведомая напасть перебрасывается на берег, множатся ее жертвы…

Что это – гнев богов или людские происки? Правы ли те, кто обвиняет в бедствиях города Гильдию Подгорных Охотников?

Да, неудачное время выбрал Шенги Совиная Лапа, чтобы привезти в Аргосмир трех своих учеников. В Гильдии молодым людям не рады и стараются не допустить их к вступительным испытаниям.

Впрочем, им хватит и других испытаний, жестких и непредвиденных, что обрушатся на них в Аргосмире…

Содержание

ПРОЛОГ 4
1 6
2 11
3 26
4 34
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Ольга Голотвина
Тьма над Гильдией

Посвящается Диане Лебедевой, поддержавшей меня в трудную минуту

ПРОЛОГ
(296 год Железных Времен)

Бродячие поэты, воспевая ночную гавань Аргосмира, любили сравнивать морскую гладь с полуночным лугом, на который опустились переночевать огромные птицы – чтобы наутро взмахнуть белыми крыльями и вновь отправиться в путь…

Может, порой вид гавани и вызывал такие романтические мысли. Но не в эту ночь.

Не в эту страшную ночь.

Черная, тяжелая, неподвижная вода походила на смолу, а корабли – в лунном свете на ее мертвой поверхности – на беспомощных насекомых, угодивших в смертельную ловушку. Очертания их каза– лись изломанными. Казалось, что если забелеют на реях треугольники парусов, если загремят в клюзах цепи, поднимая якоря, – все равно не сорваться морским странникам с недоброго рейда, не растаять во мраке.

Луна глядела с неба с жадным страхом, словно зевака, глазеющий на казнь.

Под этим желтым цепким взглядом вахтенный матрос с «Жемчужной чайки» чувствовал себя неуютно. Хоть бы ее облака закрыли, эту глазастую дуру!

Вахтенный не был ни трусом, ни суеверным человеком – ну, не более суеверным, чем прочие моряки. Так почему же так погано было у него на сердце? Хоть прыгай за борт – и саженками к берегу! С чего бы это? Вино в трактире было скверное или кабаний окорок несвежий? Или… Или муторно из-за того сказителя?

Может, не стоило его бить? Может, он попросту придурок… или не знал, перед кем завел легенду о Земле Поющих Водопадов?

Ну и что? Должен был знать! Правильно они с парнями его отметелили! Небось во дворце, перед королем, не начал бы сказ о том, как был убит королевский прадед – в чужой постели ревнивым мужем! Припомнил бы другую историю, чтоб государь доволен остался! А морякам можно в душу плевать, да? Можно напоминать о проклятии Морского Старца?

Вахтенный страдальчески сморщился: башка раскалывается! Сволочь-трактирщик, похоже, разбавил вино «водичкой из-под кочки» или другой крепкой гадостью. А в душе все ворочаются слова сказителя, словно прибрежную гальку морем перекатывает.

Бредятина такая! Холодный огонь – а до костей прожигает, да еще воды не боится. Такое только в сказках и бывает! В глупых сказках, которыми лишь детишек стращать! А моряки – народ бывалый, их байками не запугаешь.

Не запугаешь? А за что тогда они били сказителя?

А за дело били! Не хрен перед дальним походом болтать про древние проклятья!

Холодный огонь… Это какая ж падла такую сказку выдумала?!

А хоть бы оно и не придумано! Хоть бы и впрямь Морской Старец прогневался на Ульгира и его невесту – так то ж в стародавние времена было! При чем тут «Жемчужная чайка», которая еще с якоря не снималась? А когда снимется – на борту будет жрец. Боги – они посильнее короля, даже подводного!

Тут мысли моряка тревожно зарыскали, как идущее против ветра судно. Если год за годом вверяешь жизнь морю, лучше быть почтительнее с тем, кто правит глубинами.

Небрежно насвистывая, вахтенный со скучающим видом направился к борту. Вроде бы ему захотелось поглазеть на спящую гавань. Вроде он совсем и не собирался, бросив в воду монетку, шепотом попросить защиты у Морского Старца…

Но взгляд, брошенный вниз, заставил моряка онеметь.

По черному борту поднималось лиловое свече-ние. Ровное, чуть мерцающее, оно распространя– лось быстро, как огонь. Свечение было беззвучным и даже красивым, но матрос не оценил этой красоты. Страх оледенил сердце, сигнальным колоколом откликнулся в мозгу: смертельная опасность!

Вахтенный с усилием вдохнул воздух – и закричал, поднимая тревогу.

А мертвенный лиловый свет все выше бежал по борту корабля… переплеснулся на палубу, потек по бушприту, взметнулся на мачты…

Послышались крики. По палубе заметались фигуры – черные на лиловом. Но вахтенный уже не замечал ничего вокруг. Остекленевшие от ужаса глаза видели одно: замерцавшие лиловым сапоги, штанины, подол рубахи…

А потом грянула боль – стиснула, обняла, как страстная любовница. Мир заполыхал жутким лиловым пламенем.

Отчаяние бросило гибнущего человека вперед. Руки вцепились в планшир, тело перевалилось через борт. Даже в это страшное мгновение матрос изумился тому, как хрустнуло под пальцами дерево, – словно он оперся о трухлявый пень.

Волны приняли моряка, укрыли на миг с головой – и вытолкнули на поверхность. Соленая вода удесятерила боль, сделала ее ослепительной. Бедняга не понимал, плывет он или неподвижно висит в разъедающем тело и душу густом киселе. На самом деле он греб обожженными руками, греб тупо и размеренно.

Волна ударила его, развернула лицом к кораблю. То, что он увидел, стало вершиной кошмара. Корабль съежился, словно ноздреватый весенний сугроб, и развалился, превратился в кашу из обломков, над которыми реяло лиловое мерцание.

Совсем близко ударило по воде весло. Моряк не услышал этого, в его теле жили только руки.

Рядом качнулся борт лодки. Кто-то схватил моряка за плечи, поволок наверх. Мир кружился, в кружение вплетались обрывки неясных голосов – и боль, боль, боль…

– Глянь, кровищи-то… А ну, возьми мористее! Может, еще кого подберем!

– Ой, дядя, давай к берегу! Слыхал, что говорят о проклятии Морского Старца?

– Вякни еще, сопляк, самого за борт швырну! Рыбаки сроду никого без помощи не бросали!

Для измученного матроса эти речи были, словно чужеземный говор. Он и не пытался уловить в них смысл. Лежал на дне лодки, испачканном сочившейся кровью, глядел вверх и скулил от тягучего страдания.

И не понимал, какой он счастливчик.

Потому что выжил. Спасся.

Единственный из четырнадцати человек, что были в ту ночь на борту злосчастной «Жемчужной чайки».

1

Мир струился.

Мир был зыбким, неуловимым, нереальным. Полупрозрачные скалы наплывали на дрожащие барханы, смешивались, двоились, растекались темными струями по золоту песков. Она шевелилась, жила, эта невероятная смесь пустыни и гор.

И этот сумасшедший мираж не был беззвучным, о нет! Гул, подобный морскому прибою, со всех сторон обрушивался на смуглую черноволосую девочку лет пятнадцати, которая словно купалась в рокочущем мареве, распахнув глаза, жадно глядя вокруг, вся во власти исковерканного, но странно притягательного мира.

Вон та скала, похожая на верблюда, – далеко она или близко? Вон тот клочок облака – плывет он над пустыней или над горным ущельем? А ее собственные руки, поднятые к глазам, – они реальны? Или она сама – чье-то безумное видение?

Но девочка недолго предавалась сумасбродным размышлениям. Из марева вынырнула полупрозрачная фигура, словно воздух сгустился, принял очертания человека… и вдруг резко, в одно мгновение рядом очутился подросток – тощий, белобрысый, растрепанный. На нем, как и на девочке, были холщовые штаны и серая рубаха; за плечами, как и у нее, висел дорожный мешок. Но у девочки на поясе красовался короткий меч в кожаных ножнах, а парнишка был безоружен. Его шею охватывала бурая полоса с металлической бляхой. Ошейник раба.

Впрочем, в глазах отнюдь не было рабской угодливости. Выражение его лица легко читалось как «сейчас-пришибу-эту-дуру-на-месте!».

– Нитха! – свирепым шепотом воззвал он. – Опять застряла?! Развлекаешься, да?

– Иду, – так же тихо откликнулась девочка, нагибаясь за лежащим у ног арбалетом. – А почему шепотом, Дайру?

– Дракон, зараза, никак не уберется. Осторожно, в скалу не вляпайся!

Предупреждение было не лишним: стоило девочке сделать два-три шага, как отвесные скалы придвинулись, тяжело нависли над путниками. Пустыня же уплыла назад, сделалась прозрачной, растаяла.

– Я уж думал – тебя Твари схряпали, – продолжал злиться парнишка.

– Да я на чуточку и остановилась!

– «На чуточку…» Ищу тебя, ищу! И Нургидан вконец озверел.

– Не похоже, – бормотнула Нитха, кивком указав вперед.

В тени выщербленного утеса стоял юноша лет семнадцати. Темноволосый, стройный, с мечом у пояса. Озверевшим он не выглядел. Запрокинув голову, он провожал взглядом огромного буро-зеленого дракона, который широкими кругами поднимался к серому небу.

Короткими перебежками, держась в тени скал, Нитха и ее белобрысый приятель перебрались к Нургидану. Тот обернулся:

– Каков красавец, а? Жаль, высоко летит, не достать.

И вновь перевел взгляд на дракона. В зеленых глазах юноши не было и тени страха. Это был взор хищника, который досадует, что не может сомкнуть клыки на горле жертвы.

– Эй-эй, – встрепенулся Дайру. – Ты куда уставился? Опять на подвиги потянуло, геройская твоя морда? Учитель говорил про чешуйку дракона, а не про его башку.

– И про чешуйку-то он пошутил, – вставила девочка.

– А мне плевать, что пошутил, – негромко сказал белобрысый Дайру. – Я, может, шутки начисто перестал понимать!

– Правильно! – поддержал Нургидан. – Надо ловить учителя на слове, а то он нас еще три года под крылышком продержит. А мы в Подгорном Мире уже все знаем!

И хозяйским взором окинул ущелье – до темной дымки вдали.

Напарники с молчаливым неодобрением уставились на зарвавшегося приятеля. Он, видите ли, в Подгорном Мире все знает! Это ж надо такое ляпнуть!

Пять веков прошло с тех пор, как неосторожное колдовство кучки отщепенцев-магов смешало несколько миров, смяло в ком из прозрачных движущихся складок. Складка-море течет рядом со складкой-лесом, степь наплывает на развалины древнего города… Шагнешь в сторону – очутишься за тридевять земель…

Под взглядами друзей Нургидан отвернулся и начал независимо насвистывать.

– Он скоро карту Подгорного Мира составит! – съехидничала Нитха. – У нас в Наррабане говорят: «Думает верблюд, что это он ведет караван!»

– Знаток! – припечатал Дайру.

– Будем трепаться или пойдем искать логово? – поинтересовался Нургидан.

При слове «логово» ребятишек словно холодным ветром обдало.

То, что в замыслах представало увлекательным и несложным, вдруг обернулось к юным Подгор-ным Охотникам беспощадной, клыкастой, смрадной пастью.

– Раз этот красавчик здесь круги нарезает – стало быть, рядом лежбище, – заговорил наконец Дайру. – На тебя вся надежда, Нургидан. На твое чутье.

Зеленоглазый Нургидан приосанился:

– Там чутья особого не нужно, от этих берлог такой вонищей несет! Пошли пока вдоль ущелья, а там видно будет.

И двинулся первым – легкой, упругой походкой. Напарники поспешили за ним.

– Слушай, Дайру, – на ходу спросила девочка, – а тебе-то зачем так нужен этот браслет? Ну, мы с Нургиданом рвемся в Гильдию, все из себя такие взрослые и умные. А ты? Из-под крыла учителя – да в лапы к хозяину!

Дайру вспыхнул, хотел огрызнуться, но взглянул в серьезное, сочувственное личико девочки – и понял, что эта маленькая язва говорит сейчас без тени насмешки.

– Мне долго в учениках торчать опасно. Вдруг хозяин заберет меня от Шенги…

– Но ведь Шенги ему платит!

Мальчик горько усмехнулся. Ситуация и впрямь была необычной: наставник платил за то, чтобы иметь право учить.

– Ты же знаешь их обоих, – хмыкнул он. – И Ба– видага, и сыночка его. Что им завтра в голову взбредет?

Нитха угрюмо глядела себе под ноги: ей больно было это слышать.

– Получу браслет Гильдии – ошейник с меня никто не снимет, – ровно продолжал подросток. – Буду таскать добычу для Бавидага. Но для меня все равно важно войти в Гильдию. Самому себе доказать, что чего-то стою… сверх рыночной цены!

– Тихо! – врезался в его откровения яростный шепот Нургидана. – Рядом уже!..

* * *

Над тесной угрюмой расселиной сводом сомкнулись толстые сучья: дерево давным-давно рухнуло на каменные «стены».

По древесному остову, припадая к мертвой коре, скользило гибкое хищное тело. Круглые желто-зеленые глаза жадно смотрели вниз – на усыпанное обломками костей дно расселины, по которому брели три неизвестных мелких существа.

Старая, матерая тварь не первый год жила на «куполе» драконьего логова, кормилась остававшимися от «хозяина» объедками, а когда он надолго улетал, охотилась на местное зверье. Сейчас подвернулась подходящая добыча: ни брони, ни клыков, ни когтей…

Внизу трое подростков, вздрагивая от хруста под ногами, негромко переговаривались:

– А как мы ее найдем, чешуйку-то? Там же темно!

– Не вздумай зажечь огонь! Сухой лишайник плетьми свисает… как полыхнет!

– Ребята, мне страшно, – тоненько пожаловалась девочка. – Будто кто-то меня жесткой лапой трогает.

Ее напарники без улыбки переглянулись. Они знали: у Нитхи обостренное чутье на опасность.

– Ясное дело, – хмуро кивнул Нургидан. – Надо пошустрее крутиться, пока этот, с жесткой лапой, не прилетел.

– А уж учитель-то нам устроит… – тоскливо ото-звался Дайру, который самым серьезным источни-ком неприятностей явно считал не дракона. – Ладно, ищем. Нургидан, постой у входа, повысматривай крылатого…

В другое время Нургидан вряд ли позволил бы собой командовать. Но сейчас его острое чутье было оглушено застарелым смрадом, царящим в драконьем логове. Лезть в эту вонючую мглу, перебирать кости, некогда извергнутые драконом, искать на ощупь чешуйку, которая неизвестно как выглядит: никто из учеников Шенги не видел дракона вблизи… Оно и понятно, раз живы еще.

На миг по позвоночнику скользнул холодок, но юноша повел плечом, дерзко усмехнулся и шагнул в полосу света.

Что-то сильно толкнуло его сверху – повалило, ринувшись с ветвей. Он не успел выхватить меч, но, падая, вскинул перед собой руки, вцепился в мягкий желто-бурый мех и с напряжением остановил перед своим лицом пасть убийцы. Желтые клыки лязгнули у горла. Зловоние из глотки твари смешалось с напряженным дыханием человека. Неистовая жажда убийства, затянутая в пятнистую шкуру, прижала юношу к камням.

На шум схватки выбежали друзья Нургидана.

– Каомра! – в ужасе выдохнула Нитха. – «Смерть-кошка»!

Она не походила на кошку, эта тварь с мордой гиены и телом гигантской куницы, что извивалась сейчас у входа в драконье логово, норовя добраться до горла Нургидана.

Нитха вскинула арбалет.

– Не стреляй! – крикнул Дайру.

Но девочка уже сообразила, что стрелять нельзя. И еще она поняла: на камнях барахтаются уже не человек и зверь.

Два зверя!

На миг свирепый клубок распался. Друг против друга замерли два хищника. Гибкая куцехвостая каомра с выбегающими из пасти кривыми клыками – и громадный волк, мощный, поджарый, широкогрудый, бесстрашно скалящийся на свою противницу.

Мгновение молчаливого противостояния – и вновь яростная схватка!

Она закончилась быстро. Рычащий и визжащий ком вновь распался – и каомра, изрядно потрепанная, пустилась наутек. Она прихрамывала, но двигалась шустро.

Победитель-волк скачками понесся следом.

– Нургидан, стой! Вернись! – заорал ему вслед Дайру.

Нитха молча хлопнула мальчика по плечу. Дайру обернулся – и окаменел…

Да, дракон умеет пикировать на добычу, взметая вокруг вихри и издавая устрашающий рев. Но может бесшумно спланировать на мягких кожистых крыльях – ни былинки не стронет, ни листочка не потревожит.

Хозяин логова сидел на краю древесного «свода» и, склонив огромную плоскую голову, с интересом разглядывал перетрусивших гостей. В круглых янтарных глазах не было ни гнева, ни ярости: кто же гневается на внезапно подвернувшийся обед?

Ребятишки шагнули друг к другу, сразу перестав быть взрослыми, умными и отважными. Нитха держала наготове арбалет, понимая, что помочь он может не больше, чем про-

стая палка. Куда стрелять? В глаз? Мозг стрела не заденет, а вряд ли дракон с одним глазом будет к ним снисходительнее, чем дракон с двумя глазами.

Могучий ящер завозился на своем «насесте», поудобнее свесив длинный чешуйчатый хвост. Дерево колыхнулось под весом чудовища, накренилось, и дракон мягко съехал на дно ущелья. Теперь грозная голова была совсем близко от добычи. Янтарные глаза скользнули по закаменевшим человеческим детенышам: ну, кого первого жрать будем?

Из-за плеча Дайру метнулась серая молния: волк бесстрашно прыгнул, целясь клыками в горло дракона.

Самый грозный хищник Подгорного Мира даже не соизволил открыть пасть. Лишь мотнул гибкой сильной шеей – и удар массивной головы отшвырнул вытянувшегося в прыжке волка. Так умелый воин щитом отбивает летящий дротик.

Волк отлетел к склону ущелья, ударился о скалу. На миг Нитха отчаянно скосила глаза и увидела растянувшегося на камнях темноволосого подростка.

Оглушен? Мертв?

И тут девочка забыла даже о друге, потому что ее беззвучно окликнула смерть.

Пасть распахнулась. Она была бездонной и жаркой, с решеткой из клыков и длинным раздвоенным языком. Она завораживала, эта пасть, она притягивала взор, она выпивала жизнь, она… она…

Между беспомощными детьми и чудовищем взметнулся коричневый плащ. Невысокий коренастый человек, одним толчком отшвырнув обоих подростков, встал перед разверстой пастью ящера. Короткий взмах руки – и голову дракона окутало облако желто-бурой пыли.

Эффект оказался потрясающим. Раздался вой, превратившийся в тонкий визг, – неужели жуткая драконья глотка могла издавать такие жалкие, беспомощные звуки? Могучий хищник растянулся на дне ущелья, забил хвостом – от замшелых валунов осколки полетели! – и начал тереть нос передними лапами. Точь-в-точь щенок, сунувшийся понюхать ежика.

– Уходим! – загремел властный голос. – Быстро! Нургидану помогите, обормоты!

* * *

– Ну и кто из вас, мерзавцев, окажется самым на– хальным и осмелится объяснить мне, за каким-растаким демоном вас понесло в драконье логово?

«Самым нахальным мерзавцем» оказался Нургидан. Опустив глаза, он мрачно пробубнил:

– Мы чешуйку искали. Драконью.

– Ага. Чешуйку. – Шенги Совиная Лапа, знаменитый Подгорный Охотник, изо всех сил старался держаться спокойно. – И что ж вы в логово полезли? Изловили бы дракона за хвост да надрали мешок чешуи, герои сопливые!

Нургидан молчал, дерзко отвернувшись.

Учитель взял его за плечо, развернул к себе.

Подросток скосил глаза на лежащую на своем плече руку: длинные, жесткие черные пальцы с шишковатыми неровными суставами; мелкий сетчатый рисунок на коже, похожий на змеиную чешую; изо-гнутые грозные когти с сизым металлическим отливом.

Несмотря на невеселую ситуацию, Нургидан подавил вздох зависти. Он не считал уродливой лапу, заменявшую Шенги правую руку: великолепное, мощное оружие, которое всегда со своим хозяином! Мальчик отдал бы год жизни за такую лапищу! Но учителю она досталась после стычки с древним демоном, вряд ли Нургидану когда-нибудь так повезет.

Эти мысли тут же вылетели из головы, потому что Шенги снова заговорил – с мягкостью, от которой ученики поежились:

– Кстати, просветите меня, глупого: а на кой она вам, чешуя эта самая?

– Ты же сам сказал! – пискнула Нитха, которая не хотела, чтобы Нургидан отдувался за всех троих. – Ты же говорил, что раньше уж мы драконью чешуйку добудем, чем ты нас, таких зеленых, к гильдейскому испытанию допустишь!

– Я так говорил? – удивился учитель. – М-да, вроде говорил… Так вам бы, паршивцам, не спеша найти заброшенное логово, хозяин которого давно издох! Вы что, головастики бесхвостые, не знаете, что на дракона и десятку воинов идти глупо?

Обычно во время разносов Дайру невидимкой держался за спинами друзей. Но на сей раз верх взяла тяга к точности:

– Учитель, а почему в силуранских балладах по-ется, что Керутан Разбитый Щит один на один победил дракона?

– Вот как? – Голос Шенги заструился ядом. – Оказывается, великий силуранский герой три года под чужим именем жил у меня в учениках?! Сам Керутан! Какая честь для меня!

– Учитель, – поспешил Дайру перевести разго-вор, – а что ты кинул дракону в морду? Семена силуранского гадючника? Ведьмин спорыш?

– А вот и нет! – оживилась Нитха. – Это табак, вот! У нас в Наррабане мужчины растирают его в пыль и вдыхают. Или сжигают и глотают дым.

– Зачем? – изумился Дайру.

– Для удовольствия. У нас говорят: «Пять наслаждений есть для мужчины: конь, клинок, вино, табак и женщина…»

– Именно в таком порядке? – хмыкнул Дайру.

– Ненормальные! – убежденно высказался Нургидан. – Я всегда говорил: у вас в Наррабане все ненормальные!

– Молчать, – тихо сказал учитель. Спор оборвался, словно его мечом обрубили. – Ладно! Понадобилась вам эта чешуйка. Очень, очень хорошо. И как вы ее добывали? Ты, краса и гордость Наррабана, опять застряла между складками! Любовалась! Наслаждалась! И нечего тут виновато сопеть… А ты, волчья морда, оборотень блохастый, с какой стати на дракона прыгнул? Хотел предложить ему Поединок Чести? Сравни его клыки – и свои клычишки! Не сверкай на меня глазами, не сверкай, мы с драконом тебя не боимся!.. А главное – слышите, вы, искатели приключений на свою задницу? – чешуйку вы так и не нашли! Прогулялись на потеху окрестным тварям…

И тут к разгневанному учителю шагнул Дайру. Без единого слова протянул руку.

На ладони лежала большая роговая пластинка – мутно-зеленая, полупрозрачная, потрескавшаяся по краям.

Шенги замолчал посреди фразы. Медленно протянул левую руку – но не дотронулся до чешуйки, оставил ее на ладошке ученика.

– Не забыл, – потрясенно шепнул Шенги. – Даже перед драконьей пастью не обронил… Да что вы за команда такая! – закричал он вдруг. – Все у вас делается не по-людски, через неуказанное мес-то – а ведь получается! Получается, забери вас Се– рая Старуха! – Охотник успокоился и с новым интересом оглядел приободрившихся ребятишек. – Может, и впрямь я вас слишком долго кормлю из пригоршни. Пора, пора вас к Лаурушу на испытание… Ох, мама моя родная, боги мои безымянные! Это какой же подарочек я делаю собственной Гильдии!

2

– Когда Безликие творили гурлианцев, они были не в духе. Вот и вышло невесть что, сборище негодяев, мерзавцев и трусов! Уж мы с королем Лаограном вас били, били…

Призрак гордо сложил руки на груди и завис над самым полом. На перечеркнутом шрамом лице с вислыми усами был написан хмурый вызов.

Нургидан, развалившийся на скамье, даже не глянул в сторону привидения. Подобные речи он слышал три года – изо дня в день. Сначала негодовал, гневался, потом привык. Верно говорит Дайру: глупо злиться на того, кого убили два с половиной века назад.

Но по привычке все же лениво огрызнулся:

– Твой Лаогран давно помер. И Гурлиан, между прочим, вы с ним так и не завоевали. Так что насчет трусов язык-то придержи.

В ответ раздалось разъяренное шипение. На миг повернув голову, Нургидан убедился, что его собеседник не только шипит, но и вид принял змеиный. Здоровенный такой удав, грозно поднявшийся на хвосте.

«Ладно, пусть шипит! Что ему, бедняге, и осталось-то?»

Некоторым людям не везет в жизни. А десятни– ку по прозвищу Старый Вояка не повезло в смерти. В военной неразберихе случилось так, что тело грайанского захватчика осталось без честного по– гребального костра. Не смогла душа попасть в Бездну, не очистилась для будущего рождения. И третье сто– летие неуспокоенный дух мается возле места своей гибели – у развалин башни – и клянет бывших врагов.

Раньше-то брань слушать было некому: жители Издагмира обходили развалины стороной. Так из-за призрака это место и прозвали – Грайанская башня.

Три года назад Шенги решил обосноваться в Издагмире. И прикинул, что развалины еще очень даже ничего. Подлатать немного – и выйдет снос– ное жилье, причем наверняка дешево купить можно. А призрак… а что – призрак? Авось уживемся!

Старый Вояка был в ярости: гурлианцы вторглись в его владения! Но Шенги не обращал внимания на выходки вздорного «соседа». А уж когда Охотник обзавелся учениками… о-о, тогда несчастный призрак понял, что больше ему в башне не хозяйничать! Ну, как тут останешься загадочным и жутким, если твои стоны и вопли сразу подхватывают три нахальных голосишка! Передразнивают, паршивцы! Насмехаются!

Что делать бедному призраку? Бежать прочь, оста-вив стены, ставшие за века родными? Пугать по ночам на пустыре поздних прохожих? Ну нет, не дождутся проклятые гурлианцы!

По гигантской змее прошла рябь – и вот уже на месте удава стоит невысокий круглолицый человек с чудовищной лапой вместо правой руки.

Удивленный тем, что шипение прекратилось, Нургидан обернулся – и вскочил со скамьи, словно его подняли пинком.

– Учитель, я… я…

– Что это ты тут лоботрясничаешь? Очень, очень интересно… – начал призрак голосом Шенги – но не выдержал тона, расхохотался грубо и отрывисто.

– Зараза грайанская! – завопил Нургидан, по-краснев и сжав кулаки. – Гад дохлый!

Призрак торжествовал: наконец-то удалось вывести из себя дерзкого сопляка!

– Что тут за балаган? – донеслось от двери. – Очень, очень интересно.

На пороге стоял Шенги.

Старый Вояка тут же прекратил ржать и принял свой обычный облик. Вислоусая физиономия выражала глубочайшее почтение.

– Опять фокусы, десятник? – поинтересовался Шенги, вешая плащ на гвоздь у двери.

– Нет, господин мой! – преданно отчеканил Старый Вояка. – Никаких фокусов, господин мой!

Злость отпустила Нургидана. Мальчишка фыркнул.

Учитель покосился на него:

– А чья сегодня очередь готовить обед?

– Э-э… вроде моя.

– И чем мы сегодня будем наслаждаться?

– Похлебкой. Чечевичной. С телятиной.

– Так почему ты до сих пор не на кухне?

– Я уже там! – с фальшивым энтузиазмом ото-звался Нургидан, который терпеть не мог возиться со стряпней.

Но все же, спускаясь с крыльца и бредя к пристройке-кухне, мальчишка злорадно ухмылялся. Ну и вытянулся Старый Вояка – как перед командиром! А ведь еще недавно призрак ненавидел Шенги больше, чем прочих обитателей башни.

Нургидан знал, отчего покойный грайанец растерял нахальство.

В начале лета капризы Подгорного Мира забросили Шенги и его учеников в чужие земли. Там судьба свела их со знатным грайанцем, Хранителем крепости Найлигрим. Пережили вместе много приключений, довелось и спасать друг друга. А на прощание высокородный господин стал прикидывать, что подарить на память новым друзьям…

Конечно, эта идея пришла в голову Дайру. Умен белобрысый, умен! Рассказал Хранителю о призраке грайанского десятника, который отравляет жизнь соседям. И намекнул: пусть, мол, господин выдаст пергамент… ну, что Шенги является сотником грайанской армии. По правде-то служить он не будет и жалования не потребует. Вообще никто этот пергамент не увидит, кроме вредного привидения, которое умеет читать.

И теперь драгоценный пергамент, оправленный в деревянную рамку, висит на втором ярусе башни. Шенги понемногу собирает библиотеку, гостей туда не водит. А призрак там часто шастает – и явно прочел все, что надо, потому как проникся к Шенги почтением необыкновенным. Небось и сейчас в струнку тянется!

* * *

Призрак грайанского десятника и в самом деле вытянулся в струнку и ел глазами начальство. А Шенги неторопливо отдавал распоряжения:

– Мы отправляемся в путь завтра. Остаешься в доме за хозяина.

– Слушаюсь, господин мой!

Шенги, словно уже прощаясь, обвел взглядом большую комнату со сводчатым потолком: очаг с кованой решеткой, длинный стол, широкие скамьи, тростниковые циновки на полу, бегущую на второй ярус крутую лестницу, вырубленную в стене… Это был первый собственный дом в жизни бродяги Охотника, и Шенги его любил.

– Если явятся воры – твои действия? – вопросил он командирским тоном.

Вместо ответа призрак обернулся жуткой тварью, рыжей с черными полосами. Тварь походила на кошку, но грозные клыки и мощные когтистые лапы убивали мысль о милой домашней мурлыке.

– Лихо! – оценил Шенги. – Сам придумал или впрямь где-нибудь такое водится?

– В Наррабане, – ответил зверь знакомым голосом. – Называется – тигр. Я там в молодости наемником был, в Наррабане-то… насмотрелся.

– Очень, очень впечатляет! – одобрил хозяин дома. – А ну, взрычи!

Багровая пасть распахнулась. Грайанскую башню сотрясло громовое рычание.

В этот самый миг дверь без стука отворилась. На пороге стоял юнец лет восемнадцати, смазливый и расфранченный. В руках он держал букет ярких цветов.

Увидев прямо перед собой чудище и услышав грозный рык, гость в ужасе попятился, оступился и кубарем полетел с крыльца. Сразу вскочил на ноги (одежда в беспорядке, золотистые волосы всклокочены, букет имеет плачевный вид) и бросился к воротам.

Шенги через плечо глянул без всякого сочувствия на паническое отступление гостя и, вновь обернувшись к Старому Вояке, кивнул:

– Вот-вот, молодец, так и действуй!

* * *

Прихрамывая, молодой человек вывалился за ворота – и столкнулся с Дайру, который как раз подходил к дому.

– Хозя-аин! – потрясенно и сочувственно взвыл Дайру. – Молодой господин! Да как же так… Да кто ж тебя… Изволь повернуться, я сзади пыль отряхну!

Оказавшись за спиной пострадавшего щеголя, Дайру скинул с лица подобострастное выражение. Отряхивая с малинового камзола пыль, он с трудом сдерживал желание наподдать юнцу посильнее.

Дайру всей душой ненавидел двух человек: своего хозяина и его сына, вот этого хлыща. Пожалуй, молодого господина ненавидел даже крепче: когда-то жестокий, вздорный подросток постоянными издевательствами толкнул Дайру на побег.

До чего зло пошутила судьба! Помогла бежать, хранила в пути до Издагмира, подарила счастье стать учеником знаменитого Подгорного Охотника. А потом взяла и столкнула лицом к лицу с хозяином, который переехал жить в Издагмир – другого места на свете не нашлось! Спасибо учителю, уломал господина, деньги три года платит. А не то – страшно подумать, как разделались бы оба хозяина, старый и молодой, с беглым рабом!

– Во-от, так, хорошо, теперь камзольчик почище выглядит, а все ж не мешало бы пойти домой и переодеться. А что это господин изволит в руках держать?

Витудаг Ранний Путь глянул на останки некогда роскошного букета.

– Цветы! Наррабанские! – гневно-рыдающим тоном поведал он. – Из оранжереи Хранителя города! А у вас тут чудовища всякие!

– Чудовища? У нас?! А-а, наверное, призрак шалит! А господин плюнул бы ему в морду да и шел бы себе дальше. Грайанский десятник – он безобидный.

С одного взгляда на Витудага было ясно: этот не рискнет плюнуть в морду ни настоящему, ни призрачному чудищу.

– Цветы-то, цветы! – успокаиваясь, пожаловался юнец. – Знаешь, сколько заплачено садовнику Хранителя?!

– Это для барышни Нитхи, да? – прикинулся непонятливым Дайру.

– Ну, не для тебя же!

Все правильно. Не первый месяц слоняется вокруг Грайанской башни влюбленный идиот. На порог его Нитха неохотно пускает – мол, не к лицу скромной наррабанской девушке принимать в доме воздыхателей. Так этот недотепа забрасывает ее страстными посланиями. Через Дайру, между прочим, передает! Знал бы, придурок, с какими комментариями его письма читаются вслух!

А Дайру от этой влюбленности – прямая выгода. Злопамятный гаденыш перестал требовать у отца, чтобы тот забрал раба от Подгорного Охотника. Хоть и дурень дурнем, а смекнул, как выгодно иметь своего человека возле любимой девушки: и письмецо передаст, и приглядит, не вертятся ли вокруг соперники. Так Дайру и превратился из непокорного мерзавца, которого надо дрессировать плетью, в слугу-наперсника, помощника и советчика.

Другой вопрос, что именно этот советчик советует.

Вот и сейчас – отвел коварно заблестевший взгляд, сказал мягко:

– Пусть мой господин не жалеет о букете, все равно барышня не оценила бы… У них там обычаи другие, заморские.

– Да? – заинтересовался Витудаг, отшвырнув смятый букет и пытаясь вытряхнуть песок из волос. – Какие?

– Ох, дикие! Рассказывала, например, госпожа, что наррабанские девушки ценят в мужчинах отвагу и выносливость. Поэтому парень приходит к возлюбленной не с цветами, а с пучком крапивы. Голыми руками несет! Показывает волю и презрение к боли. И силу любви, ясное дело: ведь это он из-за своей красавицы руки жжет!

У Витудага отвисла челюсть. А Дайру вдруг сообразил, кому именно хозяин прикажет нарвать крапивы, и поспешно сообщил, что, увы, торопится: должен сопровождать Шенги во дворец Хранителя Издагмира. Всякие вопросы в связи с завтрашней поездкой в столицу.

– Да, в столицу… – вспомнил Витудаг. – Отец велел, чтоб завтра ты зашел к нему. Будут поручения.

Дайру поклонился, скрывая кислую мину.

– И барышня Нитха во дворец пойдет? – вернулся Витудаг к увлекательной теме.

– Нет, господин. Барышня пошла в храм наррабанского бога – тот, за городской стеной.

* * *

Издагмир, Придорожный Город, оправдывал свое название. Сквозь городские ворота чередой тянулись крестьянские телеги, возки богатых путешествен– ников, но главное – купеческие подводы, нагру– женные доверху и окруженные охраной из верховых наемников. Издагмир жил за счет проезжих, встре– чая их с распростертыми объятиями, всячески ублажая – и дружелюбно, ненавязчиво облегчая их кошельки.

Впрочем, не ко всем проезжим Издагмир был одинаково приветлив. Во-он, на обочине дороги – три размалеванных цирковых фургона. И толпа вокруг. И стражники – чем-то им циркачи не уго-дили!

Нитха загляделась на фургоны – и чуть не угодила под копыта пегого коня. Тут же смуглая жесткая рука схватила девочку за плечо, рванула в сторону. Высокий худощавый старик сверкнул на раззяву темными орлиными глазами.

Всадник гортанно выбранился с седла:

– Куда суешься, гиенье отродье? Эй, старик, присмотри за своей девкой, разорви вас обоих Гхурух!

Родной язык! Нитха встрепенулась, но пальцы старика крепче сжали ее плечо. Спутник девочки спокойно встретил сердитый взгляд всадника и без запинки процитировал:

– «Оскорбивший высшего по рождению оскорбляет богов, ибо сами боги оберегают чистоту крови в жилах…»

Возможно, всадник и не узнал строку из «Тропы благочестия и добродетели» – где уж ему, простому наемнику, стерегущему купеческое добро! Зато он ни на миг не усомнился в том, что человек, бросивший ему в лицо эти размеренные слова, и впрямь очень знатен. Настолько знатен, что боги охраняют его достоинство и честь.

Коротко вскрикнув, всадник соскользнул с седла и под изумленными взглядами своих товарищей по отряду растянулся в дорожной пыли.

– Отпусти его, Рахсан-дэр, – негромко сказала Нитха. Она не просила – приказывала.

– Ступай, – милостиво бросил Рахсан-дэр лежащему у его ног человеку. И, потеряв интерес к наемнику, строго обернулся к девочке. – Постоим немного, госпожа моя. Я разволновался из-за твоей неосторожности, мое старое сердце заболело.

«Врет, – раздраженно подумала Нитха. – У него сердце как у бегового верблюда!»

Девочка вспомнила, как старый вельможа для разминки рубился на кривых саблях с охранниками-хумсарцами. Один – против двоих! И чернокожие гиганты не справились со своим жилистым, крепким господином. Ну, может, поддавались немного, но все равно старый Рахсан-дэр не очень нуждался в охране!

Эти мысли никак не отразились на виновато-сочувственной мордашке девочки.

Ни в коем случае нельзя ссориться с Рахсан-дэром! Его с таким трудом удалось отговорить сопровождать Нитху в Аргосмир! Правда, девочка подозревала, что старик все равно потащится следом, но хоть будет держаться в стороне. И с карманными деньгами здорово получилось. Стоило самой предложить посетить храм Гарх-то-Горха да ввернуть в разговор пару цитат из «Тропы», как старый Рахсан расчувствовался и сам спросил, не нужны ли юной госпоже деньги на дорогу. И не мелочишку отсыпал, а весь кошелек отвязал от пояса, тяжелый такой!

А Рахсан, поглядывая на смиренное личико девочки, думал: как обманчива внешность! Сама кротость, покорность, счастье дома, утешение родителей! А на самом деле…

Всему виной ее смешанная кровь! Зачем понадобилось ее отцу брать второй женой желтоволосую пленницу-силуранку? Вот к чему это привело! Дев-чонка наслушалась рассказов матери о том, как та в молодости была Подгорной Охотницей, и сбежала из дома! Одна! Через море! Через чужие страны! К герою легенд, бывшему маминому напарнику!

До сих пор Рахсан-дэр не мог свыкнуться с невероятностью этого поступка. Это же не какое-нибудь разбойничье отродье! Это дочь Светоча! Принцесса!

В старые времена девушку из знатной семьи за меньшую провинность зарыли бы живую в землю. Но Светоч соизволил отнестись к отчаянной выходке дочери весьма снисходительно.

Рахсан-дэр вспомнил добродушное, расплывшееся в улыбке круглое лицо, темные маслины глаз, в которых за весельем пряталась тревога.

«Друг мой Рахсан, обе мои жены нарожали мне одиннадцать детишек. Если хоть кто-то из них оказался достаточно дерзок, чтобы вырваться из плена высокого рождения… ведь это плен, мой друг… – Глаза стали печальными, губы дрогнули. – Что ж, отвага должна быть вознаграждена. Но я не оставлю мое дорогое зернышко на произвол рока в чужом краю. Отправляйся за ней, Рахсан, найди мою младшенькую. Если попадет в беду – выручи и привези домой. Но если доберется до цели через три страны и море… Что ж, тогда – видит Единый-и-Объединяющий! – я породил редкую женщину. Женщину с мужской душой. Тогда не мешай ей, Рахсан. Но останься рядом и позаботься, чтобы моя дочь не забыла язык, религию и обычаи родной страны!»

И вот уже три года Рахсан-дэр, исполняя повеление своего владыки, не жалеет сил, чтобы эта невозможная девица хоть немного, хоть в душе осталась истинной наррабанкой.

Что ж, пора возвращаться к своим нелегким обязанностям!

– Нитха-шиу, – начал старик, направляясь к воротам, – завтра ты отправляешься в столицу Гурлиана. Понимаешь ли ты, какое символическое значение имеет эта поездка?

– Угу.

– Что – «угу»?

– Понимаю.

– Сомневаюсь… Я проштудировал труд мудрого Гитхи-дэра из Горга-до по истории Гурлиана. И не нашел упоминания о том, что гурлианскую столицу посетил кто-нибудь, в чьих жилах текла священная кровь наррабанских Светочей. Послы были, однако до сих пор Аргосмир не удостаивался чести узреть отпрыска наррабанских владык.

Эта серьезная тема так захватила старого вельможу, что он перестал замечать свою спутницу. И на– прасно! Ему бы очень не понравились взгляды, которые девчонка бросала на толпу вокруг цирковых фургонов.

Нитха не хотела огорчать доброго (хотя и занудного) старика, но любопытство горячим шариком каталось в груди. И она решилась: пригнувшись, юркнула за телегу, скользнула наперерез возку и исчезла.

А вельможа увлеченно продолжал:

– Чтобы в Аргосмире осталась о тебе благоговейно-почтительная память, ты, госпожа моя, должна каждое мгновение помнить три вещи. Первое: ты дочь Светоча. Второе: ты по праву добавляешь к своему имени слово «шиу» – девственница. Третье: ты уважаешь гурлианских богов, но чтишь только Гарх-то-Горха, Единого-и-Объединяющего, по чьему всесильному повелению возникли младшие боги и наш мир. В мудрой и прекрасной поэме «Златая нить» (имя автора которой, увы, затерялось во тьме ушедших времен) сказано… ах, чтоб тебя перевер-нуло, да подбросило, да об ослиное копыто расшибло!

Разумеется, эти грубые простонародные слова никогда не оскверняли собой страницы дивной древней поэмы. Просто Рахсан-дэр заметил исчезновение своей подопечной. Искать негодную девчонку было поздно, и старый вельможа, раздраженно махнув рукой, отправился домой – вернее, к дому, который за три года привык считать своим.

*** * ***

Сгрудившиеся вокруг фургонов зеваки бурно обсуждали передрягу, в которую вляпались циркачи. Так что Нитха, протолкавшаяся вперед, сразу разобралась в ситуации.

Цирк не пропускали в Издагмир из-за детеныша дракона. (Уже интересно!)

Оказывается, в одном из фургонов ехал драконенок. В клетке. Стражники прицепились – мол, везете в город опасного хищника! Укротитель расшумелся: зверюшка безобидная, потому что еще маленькая! В доказательство потянул животное за цепь – а драконеныш возьми да тяпни хозяина. Маленький, а клычата уже неплохие!

– Все равно тварь безобидная! – надрывался укротитель, лохматый верзила с такой плоской физиономией, словно на ней посидел слон. – Даже крылья еще не прорезались!

Нитха, которой не приходилось видеть драконьих детенышей, распахнула свои и без того огромные глазищи на черное чешуйчатое существо, стоящее на задних лапах в проеме клетки.

И впрямь малыш, не выше самой Нитхи. Крыльев действительно нет. Шея короткая и наверняка не такая гибкая, как у взрослых драконов. Маленькие глазки горят красными угольками, а на макушке – надо же! – третий глаз! (У взрослых драконов девоч-ка такого не видела. Впрочем, взрослые драконы и не позволяли разглядывать свою макушку.) Из разинутой пасти несется негромкое, но грозное шипение.

Шипение это еле слышно из-за густого баса стражника:

– Безобидная тварь, да? А руку ты сам себе зубами просадил?

Зеваки загоготали. Из левого рукава куртки укротителя был вырван клок, в прореху виднелась кровь.

– Плевать! – хмыкнул циркач. – В нашем ремесле не такое бывает. А управляемся мы с ним запросто. А ну!.. – обернулся он через плечо.

Худая женщина с алыми от румян щеками по-спешно подала ему горящий факел.

При виде огня драконенок шагнул назад, откинулся, опираясь на длинный хвост.

Циркач, ругнувшись, шагнул к клетке и ткнул факелом в морду детеныша.

Шипение перешло в визг. Драконеныш шарахнулся в дальний угол клетки и свернулся в кольцо, спрятав обожженную морду в лапы. Гибкая спина задергалась, как лопатки плачущего ребенка. Тонкая цепь змеей бежала от него через клетку – к ручище укротителя.

– У-у, гиенье семя! – выразительно произнесла Нитха. Она терпеть не могла, когда при ней мучили животных.

Плоскомордый не расслышал слов девочки, хотя она стояла рядом. Он с торжеством обернулся к стражникам:

– Ну? Видели, как я с ним?

– Видели, – презрительно ответил один из стражников. – И видели, как он – с тобой! Маши факелом, не маши – он тебя уже хватанул. А завтра кого из зрителей за башку хапнет! Так что поворачивай оглобли да объезжай Издагмир окольными путями.

Циркачи протестующе взвыли.

– То есть как это – «объезжай»? – переорал всех укротитель. – Да мы по деревням и на корку хлеба не заработаем!

– Не хотите объезжать – платите, – сказал второй стражник негромко.

Но циркачи услышали – и разом замолкли.

– К тому и шло, – со злостью сказал укротитель и сплюнул. – Сколько?

– Два золотых.

Толпа ахнула. Циркачи запричитали. Плоскорожий укротитель закатил глаза:

– Да я сроду столько золота в руках не держал!

– Не моя печаль. Не нравится – проваливай. А хо– чешь в Издагмир въехать бесплатно, так это пожалуйста, только сначала мы с напарником твою зверюгу истребим! – Стражник покосился на своего приятеля, который был вооружен боевым топором.

Толпа притихла в тревожном ожидании. Спина драконенка перестала вздрагивать – словно и он, звереныш несмышленый, почуял беду.

– Может, скинешь малость? – протянул укротитель.

Стражник молчал, гордый и неприступный, как крепость на утесе.

Худая размалеванная женщина подошла сзади к укротителю и, привстав на цыпочки, что-то ему зашептала.

– А-а, пропади все к демонам! – взревел плоскомордый. – В болото все! Да под кочку! Да в тину! Нате! Рубите! Растет, зараза, жрет – как в прорву! Кусается! – Он отчаянно дернул цепь, заставляя драконенка выйти из клетки. – Два золотых? Руби!

Стражники переглянулись. Они явно рассчитывали на другой исход переговоров. Но отступать было нельзя, и тот из них, что повыше, неохотно взялся за топор.

И тут у него на локте повисло какое-то визжащее существо. Оно держалось крепко – не стряхнуть! – и вопило, что драконеночка ни за что, ни за что нельзя убивать! Это жестоко!..

Нитха не схлопотала по шее только потому, что стражники ее узнали. Во-первых, заморская прин-цесса, а во-вторых, ученица Подгорного Охотника. Ну, что принцесса, это еще полбеды: Наррабан далеко, и не пойдет он войной из-за тумака, отвешенного нахальной девчонке. А вот Охотники – народ опасный. Они за Гранью всяких магических штучек нахватались, лучше с ними не связываться.

Поэтому Нитхе было очень вежливо сказано:

– Малышка, ступай к своему учителю и попроси его, чтобы он тебя выпорол.

Нитха на эти слова не ответила – просто их не услышала.

Были бы здесь верные напарники, Нургидан и Дайру, они бы все поняли и утащили девочку прочь, на ходу приговаривая что-нибудь успокаивающее. Потому что знали характер Нитхи. Защищаясь, любого зверя прикончит и бровью не поведет. На охоте и пристрелит дичь, и освежует. Но если над какой-нибудь зверушкой кто-то начнет издеваться для забавы – о-о, как вскипит горячая наррабанская кровь! И плевать тогда Нитхе, кто перед ней

– соседский мальчишка, вздумавший спалить на костерке пойманную мышь, или взрослый верзила, который хлещет плетью свою лошадь.

Вот и сейчас: в горле клокочут наррабанские проклятия, сердце заходится от жалости к беззащитному чешуйчатому малышу, и не укусить стражника, не садануть его каблуком по ноге – крепко держит, шакал! Обреченного звереныша вытащили из клетки, он визжит, пытается вырваться. Что же делать?.. Пальцы торопливо развязывают кошелек, сыплют деньги в угодливо подставленные пригоршни циркача, в широкие ладони стражников…

И вдруг все разом заканчивается.

Можно больше не вопить и не брыкаться, потому что жесткие лапы больше не стискивают плечи. В левой руке – наполовину опустевший кошелек, в правой – конец тонкой цепи. А перед глаза– ми – потрясенная рожа укротителя.

И до Нитхи наконец доходит, что она купила дракона.

А толпа молчит в почтительном восхищении, потому что купить дракона – это о-го-го!

* * *

– Ну что, Заплатка, завтра в путь? – негромко спросил Шенги, развешивая на заборе плащ, чтобы проветрить перед дорогой. И тут же оглянулся: не слышит ли кто-нибудь, как Подгорный Охотник разговаривает с собственной одежкой?

Но рядом – никого. Нургидан на кухне, остальные разошлись по делам. Впрочем, даже если бы ребятишки и услышали странные слова учителя – вряд ли стали бы смеяться. Помнят, как попала к Шенги эта вещь…

Охотник провел ладонью по добротному коричневому сукну, стряхнул с бурой меховой опушки застрявший стебелек, расправил витые золотые шнуры с кистями. Хорошая, дорогая вещь… но почему на капюшоне зеленая заплатка? Словно хитрый глаз, который вот-вот подмигнет.

Под заплаткой нет дыры. Спороть бы эту тряпочку, невесть зачем пришитую к капюшону… а рука не поднимается. Потому что это лишь одна из странностей плаща, который до недавнего времени принадлежал Ралиджу Разящему Взору из Клана Сокола…

Неожиданный, загадочный подарок… и подарок ли?

Шенги нахмурился, рассеянно поглаживая бурый мех и вспоминая, как «Дикий гусь» оставлял за кормой остров Эрниди, где пришлось многое пережить. Ралидж, помнится, стоял у борта и кутался от пронзительного ветра в коричневый плащ с золотыми шнурами.

А потом каждый вечер в течение всего пути Шенги, укладываясь спать в своей каюте, неизменно обнаруживал этот самый плащ, аккуратно свернутый, в изголовье койки вместо подушки. И ругал учеников, пытаясь дознаться, кто это вздумал ради дурацкой шутки так вольно обращаться с чужим имуществом.

Когда на горизонте уже показалась земля, Шенги, смущенный и злой, в очередной раз притащил беглый плащ законному владельцу. И Сокол, как всегда, не рассердился. Только тронул витой золотой шнур и сказал негромко, укоризненно:

«Что ж ты, Заплатка? Хозяина вздумал поменять?»

Шенги улыбнулся шутке Сына Клана. Но Ралидж поднял на него глаза, в которых была только легкая печаль.

«Этот плащ – не простая тряпка. Он сам выбирает себе владельца. Мы с ним побывали в разных переделках. Теперь меня, похоже, ожидает мирная жизнь в глухомани… а его, стало быть, тянет на приключения? Что ж, раз он так решил… Был мой – теперь твой будет!»

Чудачество высокородного господина?

Но Шенги не давали покоя воспоминания.

Вот их первая встреча с Соколом. Арака спру– томышей… Ралидж рубит в крошево летучих тва– рей. А коричневый плащ, словно сам собой сорвав-шись с плеч бойца, взмывает в воздух и, накрыв двух отвратительно верещащих хищников, сбивает их на траву…

Порыв ветра? Или сам Сокол ловко швырнул плащ на стаю? Может быть…

А вот когда вся компания была в плену у речных пиратов… как быть с рассказом Дайру о мертвом часовом? Чем был задушен тот мерзавец – разве не золотыми шнурами отобранного у пленников плаща? Пьяный идиот хотел примерить добытую вещь – и запутался в шнурах-завязках? Ой, вряд ли…

А когда внезапно угодили за Грань, в Подгорный Мир – без оружия, без еды, почти без снаряже– ния! – разве не оказался под рукой сверток с великолепным мечом Сокола? И во что этот меч был завернут, разве не в коричневый плащ с заплаткой на капюшоне?

Да, чудеса… Но Шенги эти чудеса очень даже нравятся!

Плащ привольно раскинулся на заборе – словно человек развел руками. Мол, гадай не гадай, а я тут при чем? Капюшон сполз набок, зеленый «глаз» глядит насмешливо и дерзко.

– Сокол говорил, что ты в любой беде помощ– ник, – вслух сказал Шенги, уже не боясь, что его услышат. – Это дело хорошее. Но если ты, чтоб тебя моль сожрала, учинишь хоть какую-нибудь гадость мне или ученикам… не посмотрю, что мне тебя хороший человек подарил. Ждет тебя тогда горькая и ужасная судьбина, понял? На тряпки тебя пущу, полы мыть да сапоги от грязи обтирать!

* * *

Учитель ушел к Хранителю города. Оставшийся в одиночестве Нургидан угрюмо гремел посудой на кухне.

Юноша вообще не любил хлопотать по хозяйству. С первого дня ученичества при каждом удобном и неудобном случае спихивал свою работу на Нитху или Дайру. Но к стряпне он питал особую неприязнь. Еще полбеды, когда приходилось упаривать кашу из репы или варить похлебку из овощей и пряных трав. Но возиться с мясом, вот как сейчас…

Густой запах тек по пристройке-кухне, дразнил чуткие ноздри юноши, будоражил… Даже не голод мучительно сосал изнутри – что-то иное, затаенное, выглядывало из глубин души, словно зверь из чащи.

Зверь?

Юноша поднес руку к горлу, тронул загорелую кожу. Кончики пальцев ощутили зарождающееся внутри неслышное рычание.

Зверь!

Мясной дух будил жутковатые мысли. Язык прошелся по губам, словно слизывая засохшие на них капельки крови. Перед глазами всплывали обрывочные, но четкие видения: недобрый, захлестывающий душу бег сквозь темную чащу… искаженное ужасом лицо ночного путника… кровь, хлещущая из разорванного горла жертвы… и луна, круглая, наглая, властная луна!..

Но ведь этого не было! Никогда Нургидан не носился по ночному лесу и не рвал глотки встречным бедолагам! Хотя могло сложиться и так…

Рука, словно в спасение, вцепилась в висящий на шее амулет – серебряный треугольник с загадочными знаками. Если б не эта вещь – был бы Нургидан рабом луны. И когда она, проклятая, распахивала бы в небе свой огромный глаз, лицо Нургидана превращалось бы в клыкастую пасть, руки – в покрытые шерстью лапы, а душа… душа, наверное, на время полнолуния умирала бы. Слепая жажда крови гнала бы его убивать любого, кто попадется на пути. Нитху? Дайру? Учителя?

Оборотень!

Черным словом будь помянут тот миг, когда властитель Замка Западного Ветра впервые увидел темнокосую, зеленоглазую красавицу – и захотел назвать ее женой, еще не зная, что за кровь течет в ее жилах…

Нургидан гордо поднял голову. Даже в мыслях нельзя оскорблять мать! К тому же она ни в чем не виновата. Она жертва древнего проклятия, как и весь ее род.

Юноша заметил, что серебряная пластинка врезалась в ладонь, и разжал пальцы.

Талисман дал ему свободу! Теперь он может в ночь полнолуния оставаться человеком. А может среди бела дня обернуться двуногим чудовищем с волчьей пастью и когтистыми лапами. Или настоящим вол-ком – это уж как ему вздумается!

От размышлений его отвлек шум со двора… нет, из башни! Рычание, вопли, грохот…

Когда Нургидан взбежал на крыльцо, дверь распахнулась навстречу, едва не ударив парня по лицу. Он увернулся – и тут же на него прыгнул человек в темной одежде и натянутой до бровей шляпе-дождевке. Низко свисающие поля закрывали лицо.

Тяжелый удар сбил Нургидана с ног. Не вставая, юноша подсек противника под колени. Непрошеный гость рухнул на Нургидана, оба покатились по ступенькам.

Незнакомец вывернулся, вскочил. Нургидан рванул его за ногу. Удерживая равновесие, незнакомец взмахнул руками (что-то легкое, вспорхнув, пролетело над головой Нургидана), рывком выдернул ногу из захвата и пнул юношу в грудь. Удар был или очень точен, или очень удачен: Нургидан задохнулся, тщетно пытаясь глотнуть воздух, а тем временем темная спина исчезла за калиткой.

Не сразу Нургидану удалось восстановить дыхание. Охваченный злобой, парень поднялся на ноги и отряхнул пыль с одежды. Он ненавидел оказываться побежденным, но догонять «гостя» было поздно.

Нургидан обернулся к крыльцу. Что это валяется на ступеньках? Не эта ли штука вылетела в драке из рук сбежавшего гада?

Подняв несколько пергаментных страниц, сшитых вместе вощеной нитью, Нургидан недоуменно пробежал их глазами, хмыкнул и поднялся на крыльцо.

За порогом его встретили злорадные вопли:

– Упустил! Упустил! Гурлианец паршивый! Недотепа! Я его на тебя гнал, а ты…

Неизвестно, в каком виде Старый Вояка пугал незваного гостя, но разнос Нургидану он учинил в привычном облике грайанского десятника.

– Растяпа! Мокрый хвост! При короле Лаогране я таких на плацу до обморока гонял!

Нургидан побагровел и, чтобы скрыть смущение, поинтересовался:

– Ты его хоть разглядел?

– Ворюгу-то? У него дождевка рожу закрывала. Да и уходил он, почти у дверей был.

– Ворюга? – Нургидан только сейчас сообразил, что незнакомец приходил не на чечевичную по-хлебку с телятиной. Встревоженно окинул взглядом комнату, заметил откинутую крышку сундука. – Он что-то спереть успел?

– А я тебе докладывать обязан? Сотник ты мне, что ли?

Нургидан поспешно склонился над сундуком. На скорую руку переворошил его содержимое, затем небрежно бросил в сундук пергаментные страницы и захлопнул крышку:

– Ладно, учитель придет – разберется!

* * *

Кто думает, что это просто – провести дракона по городу, тот пусть сам попробует!

Нет, хищник-то вел себя паинькой, топал на четырех лапах за новой хозяйкой. Даже цепь ни разу не натянул! Зато толпа, которая тащилась сзади, походила на вражеское войско, что вознамерилось захватить Издагмир. Нитха боялась обернуться, но и боковым зре-

нием видела: вот разносчик с тачкой, заглядевшись на шествие, въехал в распахнутые двери посудной лавки – мамочка, ну и грохоту! А вот пышно одетая толстуха, вывернувшись из-за угла, чуть не наткнулась на дракона и с воплями пустилась наутек.

А позади – глубокомысленные разговоры: мол, интересно, сколько этакая скотина стрескает за раз? А ежели, скажем, дернется – порвет цепь или нет? А правда ли, что усмирить дракона может только дев-ственница – или это про единорогов говорится?

Хвала богам, что Грайанская башня не так уж далеко от городских ворот. Ужас, что творилось бы, если б Нитха со своей свитой потащилась через весь город! Пожалуй, Хранитель решил бы, что в Издагмире поднялся мятеж!

Но любой пытке приходит конец. С невероятным облегчением Нитха нырнула в калитку и залепетала невнятные объяснения потрясенному Нургидану.

Дракон, невозмутимо войдя следом, осмотрел двор, направился к старой яблоне у колодца и кольцом свернулся в тени.

Нургидан с каменным лицом захлопнул калитку перед любопытными горожанами. Затем медленно обернулся к Нитхе – и бедняжка с содроганием поняла, что ничего еще не кончилось. Все только начинается.

– Ты – купила – дракона? – с расстановкой спро-сил Нургидан. – И притащила – его – сюда?

Короткое молчание – и грозовой шквал!

Без всякого почтения к высокому рождению Нитхи напарник высказал все, что думал о ее умственных способностях. Попутно прошелся насчет правящей династии, породившей на свет такую непроходимую дуру. (В Наррабане его казнили бы за любую фразу из этого монолога – на выбор.) Объяснил, на какой цепи и в каком подвале держал бы он Нитху, если бы судьба послала ему несчастье быть родственником этого кошмарного создания. Высказался насчет ременной плети в качестве лекарства для безголовых девиц. Попытался предположить, какой номер заморская коза выкинет в следующий раз.

Нитха подавленно молчала. Она понимала: когда придут учитель и Дайру, придется выслушать это с самого начала – со всеми вариантами и словесными украшениями.

Внезапно девочка вскрикнула, глазами указала в сторону забора.

Нургидан обернулся. Глаза его гневно засверкали.

Над каменной оградой торчала голова особо любопытного зеваки.

– А ну, брысь! – взревел Нургидан. – Дракона науськаю!

Особо любопытного со стены словно метлой смахнуло.

– Вот видишь, – подхалимски прощебетала Нитха, – и от дракона польза есть! Как улепетнул этот настырный…

– Если б не ты с твоим драконом, – резонно возразил Нургидан, – этот настырный вовсе бы тут не появился… Нет, как раз перед поездкой в Аргосмир! Не хочешь проходить испытания – так и скажи, а за дракона прятаться нечего!

Спасительная мысль мелькнула в черноволосой головке Нитхи. Не выдавая радости, девочка сказала спокойно, как о давно решенном:

– Я его не для себя купила. Подарю Хранителю города. Почтеннейший Тагиарри любит животных.

– Почтеннейший Тагиарри любит мелких животных, – беспощадно уточнил Нургидан. – А крупных предпочитает в виде чучел.

Нитха не хотела отказываться от богатой идеи:

– Тогда пошлю его моему царственному отцу. Напишу, что это мой трофей из Подгорного Мира. И отправлю Рахсан-дэра сопровождать подарок! Ой, как хорошо! Как говорят у нас в Наррабане, ловкач одним камнем двух птиц собьет!

– Тогда поторопись, – угрюмо посоветовал напарник. – Эту тварь небось не прокормить.

Нитха встрепенулась:

– Умница! Правильно! Он же у меня голодный!

Стремглав бросилась к пристройке-кухне и вернулась с большим куском мяса на кости.

– Рехнулась! – взвыл Нургидан. – Отдай телятину, кобра наррабанская! Мы-то что есть будем?!

– Похлебку похлебаете! Отвяжись, у меня животное не кормлено!

Драконенок выжидающе поднял голову.

– Руку отхватит, – предупредил Нургидан. Смерил взглядом расстояние до воткнутого в колоду топора – и успокоился. Уж он-то сумеет остановить чудовище!

Нитха, пропустив предупреждение мимо ушей, вплотную подошла к черной чешуйчатой твари.

– А кого я сейчас кормить буду? Мое сокровище сейчас кормить буду! – заворковала она. – Солнышко, хочешь мяса на косточке?

«Солнышко» поднялось во весь рост, разинуло пасть, усаженную внушительными клыками.

– Еще как хочу! – отчетливо прозвучало из черной глотки.

* * *

– Вы когда-нибудь научитесь слушать, что говорит учитель? Вы… стадо олухов! Это, по-вашему, детеныш дракона, да? – Шенги гневно указал на чешуйча– тое существо, которое увлеченно догладывало теля-чью кость. – Где вы видели такого детеныша дракона?

– А мы их и вовсе никаких не видели, – ти– хо буркнул Нургидан. Очень тихо.

Но Шенги услышал.

– Если б ты меньше шлялся по девочкам и больше времени посвящал учебе, то вспомнил бы про народ ящеров, который живет в Подгорном Мире!

Нитха виновато ойкнула: она помнила про народ ящеров, но ей задурили голову циркачи и стражники. Теперь-то она видит: ничего общего с драконом! И шея короткая, и крыльев нет, и третий глаз на макушке!

Нургидан глядел непонимающе: он и впрямь больше интересовался подружками, чем рассказа-ми учителя о Подгорном Мире. Не считал нужным забивать себе голову. Драться он научился не хуже учителя, а будет надо что умное припомнить – на это есть Дайру.

А Дайру тут как тут – высунулся из-за плеча учителя, блистает знаниями:

– Народ ящеров проживает на болотах, размножается кладкой яиц. В брачный период ящеры объединяются в стаи – одна самка и четверо-пятеро самцов. Чешуя детенышей черного цвета, но с возрастом…

– Цыц! – Когда Шенги не в духе, лучше не привлекать его внимания. – Тебя не спросили!

– Учитель, – всхлипнула Нитха, – ты на меня очень сердишься?

– Девчонка, – холодно ответил Шенги, – заметь, я был очень сдержан. Даже ни разу не употребил слово «идиотка», хоть оно и вертелось на языке. С тобой после разберемся, а сейчас важнее решить, что делать с этим малышом. – Шенги обернулся, голос его стал мягче. – Так ты знаешь наш язык, приятель?

Ящерок неуверенно перевел взгляд с недоглоданной кости на Шенги и обратно. Словно прикидывал, не отберет ли человек у него лакомство. А затем внятно ответил:

– Умею, почтеннейшая публика!

– Почему – публика? – удивился Нургидан.

– А которые не циркачи, те – публика, – снисходительно разъяснил ящерок.

– С укротителем ты тоже разговаривал? – не утерпела Нитха.

– Еще чего! Чтоб эта зараза новый номер придумала – «говорящий дракон»? А сам чуть что – факелом в рыло!

Шенги укоризненно взглянул на девочку и по-просил ящерка рассказать свою историю.

История оказалась невеселой.

Начиналась-то она прекрасно: в мелком, прогретом до дна болотце, под присмотром ласковой ма– мы, вместе с сестричкой и двумя братьями. Когда у детишек начали пробиваться гребни на спинках, мама рассталась с детьми. Мамины самцы разобрали малышей и нарекли их учениками. Его учитель был лучше всех: великий охотник и знаток древних преданий. Вместе они исходили не одну складку. Малыш учился читать следы, находить целебные травы и коренья, сражаться с хищниками. А порой, плотно поев, оба валялись на мелководье, и ученик слушал легенды о временах, когда их мир еще не был прозрачной движущейся полосой в клубке складок.

Это была чудесная жизнь, но, увы, недолгая. Случайно ящеры угодили в Прореху – у людей ее называют Воротами. И очутились в лесу возле какого-то замка. Местные жители при виде «чудищ» ударились в панику. Властитель замка послал стражников, те забили учителя копьями, а на малыша набросили сеть. Три дня сидел он на цепи на заднем дворе замка. Потом властителю надоела новая забава, и он продал свою добычу бродячему цирку.

С тех пор ящерок и колесил по Миру Людей – примерно три года.

Как научился говорить на чужом языке? Запросто! Фургон был большой, в одном углу – клетка, в другом – топчан. Там ехала жена хозяина цирка с ребенком. И все ворковала со своим карапузом: «Вот это, деточка, огонь. Не тяни ручки, обожжешься! А это – окошко, а за ним – солнышко. А это наш папа орет… опять пьяный… ну, скажи: па-па!» Так и не заметила, что не одного, а двоих говорить выучила.

Молчать три года? Вот еще! Разговаривал, только не со всеми. Была у него подруга, наездница и танцовщица. Совсем еще девчонка. С ней плохо обращались, так от невеселой жизни готова была хоть с ящером подружиться. Болтали понемножку, это был их секрет. Она ему рассказывала про Мир Людей… Да вот беда, недавно сбежала из цирка, дружка себе нашла. И стала у молодого ящера жизнь – хуже некуда.

Есть ли имя? Вот с этим трудно. Детские имена остались за Гранью, новое дать некому. Циркачка звала Братиком, укротитель – Гаденышем, но это как-то не тянет на имя…

Шенги и его ученики, расчувствовавшись, дружно решили: вернуть беднягу на родину! Все равно собирались в столицу через Подгорный Мир – так быстрее. Но предупредили малыша: вряд ли он отыщет знакомых. Там время идет как-то непонятно, в каждой складке по-своему… ах, ему учитель уже объяснил? Но во всех складках время катится быстрее, чем в Мире Людей, так что близкие его в лучшем случае уже забыли, а в худшем – умерли.

Ящерок ответил, что у него знакомых – учитель да мама. Учитель умер, а мама не интересуется детьми, у которых прорезался спинной гребень. Так что лишь бы вернуться за Грань, можно даже в чужую складку, было бы подходящее место для охоты – и свобода!

Так же дружно решили и второй вопрос: имя ящерку должна дать Нитха, раз уж она это сокровище так выгодно купила.

– А тут и думать нечего! – развеселилась девоч– ка. – Он сам сказал: которые не циркачи, те – публика. Значит, он – Циркач!

Ящерок возмущенно зашипел. Нургидан и Шенги наперебой начали уверять его, что такого восхитительного имени нет ни у кого в Подгорном Мире.

Но все замолчали, когда раздался тревожный го-лос Дайру:

– Эй, а кто у калитки дождевку обронил?

И он поднял с земли шляпу – большую, из плотной материи, с обвисшими полями.

* * *

Шенги и его ученики сидели за столом. Чечевичная похлебка стыла в мисках – все увлеклись беседой.

«Драконьего детеныша» с ними не было. Ящерок отказался войти в дом: хватит с него клеток! Зато к компании присоединился грайанский десятник: завис над столом и вставлял в беседу замечания, за которые Нургидан охотно убил бы его – но как убьешь привидение?

– Словом, ничего он спереть не успел, – закончил рассказ Нургидан. – Старый Вояка его у сундука спугнул. Крышка была открыта.

– А вот и брешешь, псина блохастая! – донеслось сверху. – Я его у дверей прихватил. Уже выходил, ворюга!

– Сам брешешь, дохлятина! Я проверил, в сундуке все цело. Кроме… – Нургидан осекся.

– Кроме чего? – Голос учителя стал строже.

– Да ерунда. Когда мы дрались, вор обронил рукопись. Ту, что ты утром купил и наверх еще не отнес.

– А в сундуке она как очутилась?

– Я прибрала, – пожала плечами девочка. – А что?

– Ничего… Ну-ка, мальки, давайте толком проверим, что в сундуке уцелело.

Откинув крышку, все четверо склонились над сундуком. Совсем немного времени понадобилось на то, чтобы перебрать хранящиеся там скромные пожитки.

Нарядный плащ учителя. Синяя раковина с берегов нездешнего моря. Две шкурки изумрудного долгопята, упакованные в холщовый мешок. Кожаный кисет с сушеными корнями красноглавника (столичные лекари денег не пожалеют!). Та самая рукопись, из-за которой весь шум. И последняя находка – Шенги считал ее самой интересной…

Охотник положил на ладонь бронзовый колокольчик в виде змеиной головки с открытой пастью. Несмотря на острые клыки, змея не выглядела свирепой – скорее, насмешливой и хитрой. Колокольчик был на-глухо прикреплен к рукоятке. Чтобы позвонить, его пришлось бы сильно встряхивать. Не очень удобно… впрочем, проверить это было нельзя: у колокольчика отсутствовал язычок. Но находка очень, очень занятная. Надо взять ее в столицу: ювелиры приделают язычок да сосватают колокольчик какому-нибудь любителю редкостей. Прислугу сзывать или еще для чего. Опять-таки история у вещицы интересная: с развалин древнего города. И привирать почти не придется.

Шенги тронул пальцем прохладную поверхность камня – мягко-коричневого, с широкой желтой прожилкой.

– У нас в Наррабане, – послышался голос у его плеча, – этот камень называется «тигровый глаз».

– А у нас – «ведьмин мед», – откликнулся Шенги, чуть смущенный тем, что залюбовался колокольчиком и забыл обо всем. – Про него есть сказка, потом расскажу. Камень не из дешевых. Так что ж наш вор его не взял? Польстился на рукопись, которую мне в лавке продали почти по цене пергамента! Отрывок из «Летописи» Санфира, который каждый грамотный человек чуть не наизусть…

– И все же вывод: вор приходил именно за рукописью! – нахмурился Дайру.

– А что за летопись такая? – раздалось от двери.

Ящеру надоело торчать в одиночестве у колодца. Он устроился на крыльце, возле приоткрытой двери. Войти в дом отказался наотрез, но в разговор встрял с удовольствием.

Дайру, который обожал книги, охотно пустился в объяснения, но Циркач перебил его чуть ли не на третьем слове. Оказывается, про летописи он уже где-то слышал. Его интересует именно эта, о которой речь идет.

– Санфир Ясная Память из Клана Лебедя, – отозвался Дайру, ничуть не обескураженный, – самый знаменитый грайанский ученый. Он оставил после себя два грандиозных труда: «Свод законов Великого Грайана» и «Летопись». Причем «Летопись» настолько велика, что полных списков в мире – раз-два и обчелся. Ни в Анмире, где я жил раньше, ни у здешнего Хранителя полных списков нет.

– А я видела полный список! – похвасталась Нитха. – В Нарра-до, в дворцовой сокровищнице. Мне мама показывала. Во-от такая книжища! – Она повела смуглой ладошкой где-то на уровне своей груди.

– Уж прямо такая! – усомнился Нургидан. – Таких и не бывает!

– Бывает! Обложка выложена перламутром и кораллом. А страницы переворачивать мне не разрешили, это делал раб, который отвечает за книги.

– Очень может быть, – с завистью сказал Дайру. – Санфир работал не один. У него было много помощников, которые по всем городам читали местные летописи и выписывали главное. А Санфир проверял и объединял в книгу – сотни отдельных глав! Полных копий мало, а вот сборники лежат в каждой книжной лавке. В каждом сборнике – разные главы. Некоторые любители книг пытаются собрать «Летопись» целиком.

– И я решил попробовать, – смущенно признался Шенги. – Все вряд ли подберу, но искать очень, очень занятно.

– Самые интересные главы, – увлеченно продолжал Дайру, – не на пергаменте продаются, а на бумаге, чтоб дешевле. По ним учатся читать. Например, как принцесса Ульгайя расправилась с заговорщиками и вернула себе отцовский трон. Или про осаду Кровавой крепости… Учитель, а вдруг у тебя редкая глава, какой ни у кого нет?

– Ха! Если бы!.. Про Двенадцать Магов и волшебный источник!

– Ну-у, – не сдержал разочарования Дайру. – Да ее детишкам на ночь, вместо сказок… – Он встрепенулся. – А если она – подлинная, начертана рукой Санфира?!

– Размечтался! Кто б мне ее продал по дешевке? Книготорговцы знают руку Санфира.

– Да, верно… – поник Дайру.

Ящер, потеряв интерес к разговору, сполз с крыльца, а люди все продолжали спорить о том, что же нужно было странному вору.

Но вредная Хозяйка Зла сочла, что в этот суматошный день еще не исполнилась мера шума, беготни и недоразумений.

В калитку вошел Витудаг, молодой хозяин Дайру. Юнец нес огромный пук крапивы. В тряпке, разумеется. Тряпку он отбросил лишь у калитки, взял крапиву в обе ладони и двинулся к крыльцу, шипя и поминая последними словами идиотские наррабан-ские заскоки. От боли он не видел ничего вокруг – и лишь у самого крыльца заметил черного клыкастого ящера. Почти в упор.

После нескольких неприятных мгновений молодой господин вспомнил слова Дайру.

– Мерзкое привидение! – возопил он и поступил так, как ему советовал слуга: плюнул в любопытную чешуйчатую морду…

Когда Шенги и его ученики, заслышав пронзительные крики, вылетели на крыльцо, их глазам предстало необычное зрелище.

Двор был усыпан крапивой. На ограде сидел Витудаг, орал и дрыгал ногами – одна в сапоге, другая босая. А внизу, скорчась над добычей, ящер мстительно драл в клочья трофейный сапог.

3

Гурлиан нельзя назвать страной, слепо соблюдающей замшелые обычаи седой старины. Но некоторые традиции остаются нерушимыми из века в век.

В тронном зале аргосмирского дворца возвышаются три трона.

На среднем – массивном, полыхающем золотым блеском – восседает государь. По правую руку простой, без украшений, трон черного дерева – для того, кого с почтением называют «король-отец». (В правящей династии принято передавать сыну власть при жизни, а потом помогать ему в правлении мудрыми советами.) Слева сияет нежными переливами перламутра изящное сиденье, больше похожее на морскую раковину, чем на трон. Оно предназначено для наследника, который учится управлять страной.

Не всегда все три трона заняты во время дворцовых приемов. Но в то грозное лето, когда в Аргосмире творились зловещие и загадочные события, король настоял на постоянном присутствии своих соправителей.

* * *

На владыках Гурлиана не было корон. Символами их власти были изящные топорики в руках. И конечно же, маски, без которых не проводился ни один дворцовый прием – с тех самых пор, как семьсот лет назад основателю династии было предсказано, что всему Роду Ульнес грозит опасность от дурного глаза.

Зарфест Береговой Сад, правитель Гурлиана, скрывал лицо под золотой маской, украшенной рубинами. Маска была под стать торжественному королевскому наряду. Пышная парча почти полностью скрывала государя. Если бы не рука, вынырнувшая из золотистых складок и сжимающая резную рукоять топорика, Зарфеста можно было бы принять за усаженную на трон куклу.

Но вряд ли у кого-нибудь из тех, кто почтительно склонялся сейчас перед золотым троном, возникали столь дерзкие мысли. А если и возникали, то, скорее всего, у плечистого, загорелого мужчины, который даже в нарядной одежде больше походил на моряка, чем на придворного – впрочем, лишь до тех пор, пока не начинал говорить. Речь его была учтивой, неспешной и выразительной.

Отвесив поклон всем тронам по очереди, загорелый мужчина развернул свиток:

– Государь, эти слова говорю не я, скромный посланник Хастан Опасный Щит из Семейства Хасхашар. Эти слова говорит Верховный Круг Семи Островов, а подписал свиток Глава Круга, Тагиор Большой Хищник из Рода Грантум.

Золотая маска качнулась над жесткими парчовыми складками.

– Долгих лет жизни и правления великому Тагиору, – донесся холодный ответ. – Полагаю, он прислал ответ на наш протест против пиратских действий «Поморника» и «Морского змея». Надеюсь, прислал и капитанов этих кораблей – в цепях, разумеется.

– Мой повелитель Тагиор изволит отвечать, – хладнокровно склонил голову Хастан, – что обвинение в пиратстве двух отважных и верных капитанов не прозвучало достаточно убедительно. Глава Круга полагает, что правитель Гурлиана был введен в заблуждение лживыми показаниями корыстных свидетелей.

– Не прозвучало убедительно? – раздался возмущенный каркающий голос. – Еще бы! Для вашей подлой пиратской шайки!

Хастан перевел взгляд на худого старца в темной одежде и черной бархатной маске. Старец подался вперед, всем телом опираясь на ритуальный топорик.

Посланник смолчал. Он знал, что Эшузар Сухой Берег, король-отец, мог позволить себе резкие высказывания, ибо слова его больше не были речами королевства Гурлиан.

– Четвертый! – Голос старика срывался от негодования. – Четвертый раз мы шлем в Круг письма, а Союз Семи Островов продолжает разбойничать на море! Я уже молчу о той сожженной деревушке… как ее, Ульфест?

Ответа не последовало. Ульфест Серебряный Сад, наследный принц, не пошевелился на перламутровом троне. Он сидел в весьма наглой позе, небрежно вытянув длинные ноги. Это могло бы выглядеть намеренным оскорблением, но мерное колыхание серебристой бахромы на серой парчовой маске говорило о том, что юнец попросту дремал.

Молчание внука окончательно взъярило Эшузара. Старик ударил рукояткой топорика о подлокотник трона.

– В той деревушке свидетелей не осталось, всех вырезали. Но пиратские рейды «Поморника» и «Морского змея» – другое дело. Есть люди, которые все видели и помнят.

– Я говорил с ними, – спокойно ответил посланник. – Меня они не убедили, не убедят и Круг.

– Полагаю, – донеслось из-под золотой маски, – убеждать в чем-то Круг – занятие бесполезное. Разумнее будет направить послание в Тайверан, столицу Великого Грайана.

– Да! – возрадовался старый Эшузар. – Давно пора!

Самоуверенность посланника была поколеблена: чуть сузились серые наглые глаза, тверже сжались челюсти.

А Зарфест веско продолжил:

– Джангилар Меч Судьбы, король Грайана, давно обращает взор в сторону Семи Островов. Ему нужен лишь повод… Если Острова войдут в состав Грайана, пираты уймутся.

– Хо! – торжествовал старик. – У Грайана мощный военный флот! Не то что наши суденышки для перевозки торговцев!

– Союз Семи Островов трудно запугать морским сражением, – отпарировал посланник. – Наши корабли в древних сагах называются морскими драконами, а воины – драконьими клыками. Но война – это чудовище, которое не стоит без причины спускать с цепи. Если государь Гурлиана настаивает, еще раз опрошу свидетелей. Если в их россказнях есть хоть ничтожное зерно истины… что ж, возможно, Круг в качестве дружеского жеста согласится пожертвовать некоторую сумму в пользу пострадавших купцов и гурлианской казны. Могу ли я покинуть тронный зал и продолжить расследование?

Ответом был кивок золотой маски.

Посланник направился к выходу, но у дверей оста– новился, обернулся:

– Позволю себе еще несколько слов, государь. Если начнется война, Гурлиану не удастся соблюсти нейтралитет. А воюющей стороне очень нужно благоволение богов. Не хочу никого оскорбить, но осмелюсь напомнить, что не наши корабли прямо в порту рассыпаются в труху. И не наши матросы гибнут в пламени, которое не боится воды!

Низко поклонившись, Хастан вышел.

Воцарилась тишина. Стоящие у стен придворные боялись вздохнуть.

– Все-таки он испугался! – злорадно хихикнул Эшузар. – Боится Грайана, негодяй!

– Я тоже не хочу войны, – задумчиво ответил отцу Зарфест. – Этот наглый мерзавец прав: мы не сумеем остаться в стороне. Но на этот раз наша угроза, кажется, подействовала.

– Думаешь, Круг выдаст пиратских капитанов?

– Вряд ли. Компенсацию мы из него, возможно, и выжмем, но преступников на эшафоте не увидим.

– Еще бы! – вмешался в разговор ленивый, чуть растягивающий слова голос юноши. – Держу пари, этот Хастан сам командовал если не «Поморником», так «Морским змеем».

– Наша радость соизволила проснуться! – прошипел старик. – Подбери ходули, ты, надежда Гурлиана!

Принц завозился на троне, принимая менее оскор– бительную позу.

– Кто следующий? – спросил король стоящего у дверей седовласого придворного.

– Хранитель Аргосмира, смотритель верфи и делегация владельцев кораблей.

– Пусть войдут. Ульфест, веди себя прилично!

Увы, королевское повеление не было исполнено. Сначала принц сдерживался, старательно выслушивая жалобы судовладельцев. Даже заинтересовался, когда начался спор: имеют ли отношение нынешние события к легенде о страннике Ульгире?

Почти все в городе были уверены: да, имеют! В ле– генде говорится: Морской Старец прогневался на Ульгира и его невесту, когда те, спасаясь от погони, причалили к заповедной Земле Поющих Водопадов. Мало того, начали там нарушать запреты, наложенные владыкой глубин. Разгневался морской король и поклялся: впредь любого, кто ступит на запретную землю, пожрет холодное пламя, которое и водой не погасить!

Легенды легендами, а на выцветших от времени картах и впрямь значится на западе земля, что мо-жет быть той самой, запретной. Правда, картогра– фы по-разному указывали ее положение, но разве такой пустяк может остановить пытливых море– плавателей?

И застучали топоры, начали воздвигаться на верфи три корабля – специально для похода к Западной Земле, которую шепотом называли Землей Поющих Водопадов.

Ну и где эти корабли? Погибли, не выйдя из гавани! Загадочное лиловое свечение превратило их в труху. Из тех, кто был на борту, выжил лишь вахтенный с «Жемчужной чайки» – полубезумный, по-крытый пятнами ожогов. И еще два судна погубила зловещая сила – видно, морской старец в гневе не разбирает правых и виноватых.

Не только на рейде прогулялось злое колдовство. Лиловый огонь пожрал деревянный причал и проник даже на сушу, уничтожив здание таможни и дом почтенного Унлата. Что, кстати, вполне объяснимо, ибо почтенный Унлат Платиновый Кувшин, смотритель верфи и один из самых богатых людей города, щедро вкладывал деньги в будущий поход.

– Унлат – это понятно, а вот таможня чем Морскому Старцу не угодила? – недоумевал принц. Внезапно в голосе его зазвенели мальчишеские нотки: – Не призвать ли нам сказителя? Пусть поведает легенду об Ульгире. Может, найдем подсказку!

Эта идея не нашла поддержки. Почтенные горожане смущенно отвели глаза, король-отец свирепо цыкнул на внука, а Зарфест строго посоветовал сыну быть серьезнее.

Юноша сразу погас, заскучал.

А старшие соправители вернулись к делам.

– Что происходит на Фазаньих Лугах? – обернулся Зарфест к советникам.

Хранитель Аргосмира, пожилой, скромно одетый, похожий на мудреца-книжника, поклонился и неспешно заговорил:

– Фазаньи Луга пестрят шатрами. Некоторые из прибывших властителей, особенно те, что прибыли с женами, предпочли остановиться в городе, у родни и друзей. Но свои отряды они оставили за стеной.

– Еще бы! – сердито откликнулся король– отец. – Еще бы вся эта орава нагрянула в город! Сколько их там собралось – полтысячи или больше?

– Около четырехсот, – ответил Хранитель. – И с полсотни женщин.

– Я же говорю – орава! – неуступчиво гневался Эшузар. – Я с самого начала говорил: не будет пользы от этой затеи!

– Не все измеряется пользой, дедушка, – тоном опытного провокатора вставил реплику Ульфест.

Как он и ожидал, дед взвился языком черного пла– мени:

– Наши предки жили без конных воинских игрищ! Чего не завели предки, то и нам ни к чему! Хватало городу состязаний лучников и мечников!

Король ответил твердо:

– Прибытие властителей, приглашенных мною, украсит праздник, заставит соседних государей относиться к Гурлиану с большим уважением, оживит торговлю в городе.

– Торговля и так идет неплохо. А эти девятнадцать властителей… вот перегрызутся они меж собой, прольется кровь… А нам потом их утихомиривать и искать виноватых…

– А на этот случай я велел вызвать из Тагишер-ских казарм две сотни панцирных пехотинцев. Пусть Алмазные постоят под Аргосмиром, нам спокойнее будет.

– Алмазные! – умилился принц. – Не могу вспомнить, кто из мудрецов древности сказал: чем меньше страна, тем больше в ней ценят громкие названия…

– Ульфест, помолчи, если тебе толком сказать нечего… Тебе, кстати, не помешало бы принять учас– тие в состязаниях. Тебя же обучали воинским искусствам! Где твой молодой задор, где твоя отвага, где азарт?

– Отвага ждет нужного случая, – лениво ответил принц. – А задор и азарт оставим охотничьим псам, хорошо?.. Отец, ну, правда… неужели тебе доставит удовольствие видеть, как здоровенный кабан из какого-нибудь Замка Лягушачьего Пруда выбьет твоего наследника из седла? Или разобьет голову, а ведь она будущему королю вроде как не лишняя!

Король безнадежно махнул рукой и обернулся к Хранителю города:

– Кто еще хочет обратиться к Трем Престолам с прошением или другим делом?

– Почтенные горожане с перечнем убытков, на-несенных их имуществу загадочным пожаром, а так-же теми, кто этот пожар тушил.

– Дозволяю огласить список, – кивнула золотая маска.

Принц не сдержал зевок.

– Пойду к себе! – вызывающе заявил он. – Утомили меня эти государственные дела. Эй, Преш– кат! – повелительно кивнул он одному из часовых, стоящих у королевского трона. – Ступай за мной! Что– то мне в «радугу» сыграть захотелось.

Часовой не пошевелился.

– Проводи принца в его покои, Прешкат, – холодно приказал король. – Ему и впрямь рано заниматься государственными делами. Позже мы с ним об этом поговорим.

Не обратив внимания на угрозу, прозвучавшую в словах отца, принц тягучей, медленной походкой, чуть не цепляя ногу за ногу, направился к дверям.

– Пар-ршивец, – отчетливо бормотнул ему вслед дед.

Горожане сделали вид, что ничего не произошло, но в душе были согласны с Эшузаром. И каждый подумал, что избалованных, нахальных и несерьезных сопляков нужно драть крапивой, невзирая на происхождение.

* * *

Ульфест рухнул на покрытое медвежьей шкурой ло-же и, не снимая шелковой маски, уставился в потолок.

Вошедший следом Прешкат взял с мраморного столика коробку для игры в «радугу», но, бросив на принца короткий взгляд, положил ее на место.

– Скучно! – пожаловался принц куда-то наверх. – Теперь они убытки считают. А часть убытков покроет казна. Вот, должно быть, привирают! А? – оглянулся он на стражника.

– Не без того… – послышался дипломатичный ответ.

Прешкат Серое Копье относился к принцу не так, как прочие обитатели дворца, – от короля до последнего слуги. Для всех Ульфест был капризным сумасбродом, но Прешкат, учивший принца владеть оружием, видел в нем заброшенного юнца, обделенного любовью

отца и деда. Вот и откалывает одно коленце за другим – пусть бранят, лишь бы заметили! А ведь король еще не все знает о забавах сыночка. Не обо всем королю рискуют донести…

– И как-то глупо все устроено! – изливал досаду принц. – Командир городской стражи докладывает, что расследование идет полным ходом. А как оно идет?

– Стража опрашивает тех, кто мог что-то видеть.

– Вот как? И люди охотно откровенничают со стражей?

– Еще чего!.. Да они, «крысоловы» эти, не заметят преступника, даже если он у них пряжки с сапог срежет! – хмыкнул Прешкат. (Между дворцовой и городской стражей – «щеголями» и «крысоловами» – издавна была вражда.)

– Я не о том. Помнишь, гостило у нас наррабанское посольство? Я поболтал с одним… интересные вещи рассказывает! Есть в Нарра-до человечек, зовут Хайшерхо. Слово «дэр» к имени не прибавляет – значит, знатностью похвастаться не может. И должность всего-то – смотритель дворцовых архивов. А на самом деле второй человек после Светоча! У него свои люди по всей стране. Никто не знает, что они для Хайшерхо собирают тайные сведения. Это же так здорово – знать изнутри, что творится в городе! Вот бы в Гурлиане такую службу… ну, хотя бы только в Аргосмире!

– Была такая, – обронил стражник. И сразу пожалел о сказанном.

Принц заинтересованно поднялся на локте:

– Ну?!

– Был при дворе человек, – неохотно начал Прешкат. – Завел себе уши в каждом доме… ну, это я через край брякнул, но в богатых домах слуги ему наушничали. На таможне своих людей заимел. Говорят, с порта и начал – велено ему было с контрабандой разобраться. Контрабандистов прищучил, а там во вкус вошел, всю столицу к рукам прибрал. Сам-то пришлый был, прохвост, а уж так быстро развернулся со своей «невидимой стражей»!

– Хорошее название.

– А его люди назывались «невидимками». Ох, как в Аргосмире боялись этого проходимца! Айрунги его звали…

– Айрунги Журавлиный Крик? Тот, что был замешан в «мятеже бархатных перчаток»?

– Во-во, он самый. Только не замешан был, а сам все и замесил.

Принц присвистнул.

– Я так и думал, что эти два идиота, дедушкины кузены, сами бы кашу заварить не сумели. С мозгами у них было слабо. Чего стоил этот опознавательный знак, перчатки…

Прешкат промолчал: не ему осуждать лиц королевской крови, даже если те сложили головы на эшафоте.

– Этот Айрунги, – поторопил принц, – его казнили?

– Удрал, негодяй. Хорошую награду за него объявили, да никому не досталась.

– Что уже говорит о многом, – задумчиво протянул Ульфест. – А «невидимки»?

– Кое-кого казнили за участие в мятеже, остальные постарались забыть имя Айрунги. Говорят, когда король Зарфест принял золотой топорик, он подумывал о восстановлении «невидимой стражи».

– Постой, сам угадаю. Дедуля встал на дыбы и начал бить в воздухе копытами, верно?

– Э-э… король-отец был против этой затеи.

– Кто бы сомневался… После мятежа дедуля лезет под кровать от кошачьего мяуканья за окном! Родную дочь к смерти приговорил!

– Так вроде принцесса Аннира и в самом деле была повинна в…

– Да плевать мне на тетушку! Сбежала – и молодец. Давай про «невидимую стражу»!

– Король-отец изволил сказать, что неразумно отдавать власть в посторонние руки.

– Вот! А пришла беда, так мы остались слепыми и глухими. «Крысоловы» цепляются к людям, а те хлопают глазами: мол, ничего не ведаем, ни о чем представления не имеем! А ведь наверняка мно– гие заметили что-то важное! Рыбаки в порту, нищие на улицах…

– Свахи много видят, лекари, трактирщики, – подхватил заинтересовавшийся стражник.

* * *

Прешкат был прав: трактирщики замечали многое. Например, Аруз Золотая Муха, владелец трактира «Шумное веселье», ничего не пропускал мимо заплывших жиром глазок и оттопыренных розовых ушей. Но наблюдения свои Аруз держал при себе. Разве что порой многозначительно похохатывал – так, что подпрыгивало брюшко под засаленным фартуком.

Но сейчас Арузу было не смешно. Насупился, поджал пухлые губы и начал протирать оловянное блюдо с такой тщательностью, словно надеялся, что из-под олова проглянет серебро. Очень не хотелось ему здороваться с теми двоими, что возникли на пороге.

А те ввалились, словно к себе домой, уселись за стол и разом махнули трактирщику – мол, бросай, дядя, свою посудину, попотчуй дорогих гостей!

Трактирщик еще больше нахохлился и подчеркнуто отвернулся к окну, хоть там и не было ничего интересного, кроме двух кур на навозной куче.

Гости заподозрили неладное. Востроносый бледный парень с синими нахальными глазами ухватил за юбку пробегавшую мимо рабыню:

– Метелочка, с чего твой толстяк куксится? Яичница сгорела или налоги повысили?

– Пусти, Щегол, не то по рукам надаю! – благонравно ответила девица, а шепотом добавила: – Да Серая Старуха его знает…

Спутник Щегла – рослый, плечистый мужчина – не стал опускаться до разговоров с прислугой, а пошел получать сведения из первоисточника. Не успел трактирщик и двух раз провести тряпкой по блюду, как над ним навис недоумевающий гость.

– Слышь, Аруз, ты что, оглох? Плесни нам со Щеглом наррабанского!

– Нету, – не оборачиваясь, тоскливо сообщил трактирщик. – Наррабанского нету. И никакого нету. Воды и той нету, понятно? Колодец пересох! Шли бы вы, парни, в «Олений бок»!

Тут уж и Щегол прекратил тискать служанку и подошел к стойке. Мыслимое ли дело: трактирщик шлет гостей к своему старому сопернику!

– Аруз, кончай пялиться на этих дохлых кур! Ждешь, когда они в павлинов превратятся? А ну, разверни фигуру к людям! Мы не с твоей задницей разговариваем!

Трактирщик обреченно положил блюдо на стойку и медленно обернулся.

– Кудлатый, – взмолился он, – забирай своего мо– локососа и вали из «Шумного веселья». Не то кликну сына и вышибалу, так и впрямь шумно будет!

– Шум мы любим, а в чем дело-то? – недоумевал Щегол.

– Не первый день сюда ходим – и вдруг нехороши стали! – вторил ему приятель.

(Надо заметить, что Кудлатым верзила был прозван не случайно. Тяжелое, плотной лепки лицо тонуло в курчавой бороде, короткой, но очень пышной. У трактирщика порой мелькала мысль: а настоящая ли она? Однако подергать Кудлатого за бороду, чтобы убедиться в ее подлинности, решился бы лишь тот, кому вконец опротивела жизнь.)

– Парни, – убедительно сказал Аруз, – мы с ва– ми и впрямь не первый день друг друга знаем. Я у вас вещички покупал? Покупал. Вопросы задавал? Не задавал. Только два условия ставил – не забыли? Первое – чтоб с вещей кровь не капала…

– А с наших – капает?! – изумился Щегол. – Кто ж такое про меня набрехал?

От волнения он возвысил голос так, что несколь-ко посетителей за длинным столом прекратили беседу и заозирались.

– Цыц! – поспешно сказал парню трактирщик. – С первым-то условием еще кое-как, а со вторым? Я ж говорил – придворных не трогать! Мало мне возни с «крысоловами», так чтоб еще и «щеголи» начали трактир тревожить?!

– А! – потерял Кудлатый интерес к беседе. – Это не ко мне. Добытчик у нас Щегол, с ним и объясняйся. Мое дело простое – в морду кому закатить или еще чего…

– А я даже не знаю, про что ты, Аруз, говоришь! – истово заверил трактирщика Щегол.

– Не понимаешь? Я про ту заколку для плаща, в виде ландыша.

– А-а, находочка моя! И что с нею не так?

– Да все! Я ее, как порядочный, отнес к… – Трактирщик резко оборвал фразу и крепко прикусил нижнюю губу.

– К ювелиру Туарри, что за Белой площадью лавку держит, – светло улыбнулся Щегол.

– Откуда знаешь? – испугался Аруз.

– Видал тебя там. Покупки делать там тебе не по карману – стало быть, продавал.

– Ну, ладно, – пришел в себя трактирщик. – Приношу ему заколку, а он давай браниться! Оказывается, он сам тот цветочек делал – во дворец, в подарок на годовщину правления короля Зарфеста.

– Надо же!.. А я тут при чем?..

Щегол оборвал фразу, настороженно оглянулся на скрип, но успокоился, увидев, что в приоткрытую дверь заглядывает смешная чумазая мордашка. Этот мальчишка, которого все называли Чешуйкой, крутился возле «Шумного веселья» – а вдруг кто– нибудь из посетителей за монетку пошлет его с поручением? Или из объедков что перепадет…

При виде Щегла малыш просиял. А парень небрежно бросил через трапезную медяк:

– Лови, лопоухий!

Малыш монетку не поймал, кинулся поднимать ее с полу. А Щегол тут же забыл про беспризорника, вернулся к беседе с трактирщиком и снизошел до объяснений:

– Я ж тебе говорил: нашел я заколку. На улице.

– Кончай бренчать.

– Я ж говорю: на улице. Когда город покидало грайанское посольство. Проехала процессия – гляжу, в пыли цветочек валяется. А всему городу известно, что принц Ульфест с грайанцами сутки напролет в «радугу» резался. Наверное, тогда ландыш и проиграл, а то откуда бы ему на той улице оказаться?

– Отбрехиваться ты мастер… А ведь был и другой случай, меня Туарри заодно попрекнул. Та золотая сережка с хрустальным колокольчиком.

– Помню. Сережку обронила одна прекрасная и нестрогая дама, уходя со свидания, о котором она не станет вспоминать вслух. Успокойся, трактирщик, она не ищет свою серьгу.

– Да это ерунда, – признался вдруг Аруз. – С юве– лиром я как-нибудь разобрался бы. Тут погрознее тучи собираются. Нащебетала одна птаха, что тебя ищет Жабье Рыло. Сердится: мол, ты его не уважаешь, на поклон не ходишь, долю не платишь.

– Жабье Рыло? – хмыкнул парень. – Ох, как страшно!

– А тебе и должно быть страшно! И как тебе удалось до сих пор промышлять и только сейчас прогневать Жабье Рыло? Ловок ты, парень, хитер… Я даже не знаю, откуда ты такой взялся. Ходят слухи, что ты из леса приходишь и в лес уходишь…

– А если так? – помолчав, серьезно спросил Щегол.

– Если так – берегись, парень! Городские лесных не любят. Или на ножи тебя возьмут, или «крысоловам» сдадут. Дела с лесом ведет только Жабье Рыло. Послушай, сынок, моего совета: ступай сам к ночному хозяину, не жди, пока силком притащат. Пади в ноги, покайся,

пообещай долю. Жабье Рыло ценит настоящих ловкачей. Может, вам с Кудлатым и по лесам не придется шляться, в Аргосмире будете промышлять.

– Промышлять, промышлять… – Щегол устремил чистые синие очи к потолку. – Что бы это могло значить?.. А! – вдруг прозрел он. – Кудлатый, нас тут принимают за воров!

– Не может быть! – горестно охнул верзила.

– Запомни, толстяк, – ласково пропел парниш-ка, – Щегол сроду не брал чужого! Я просто глазастый, понятно? Хожу по улицам, смотрю под ноги. Где колечко замечу, где браслет, где кошелек оброненный…

Этот не внушающий доверия монолог был оборван приходом нового гостя, который громогласно потребовал вина и закуски.

Аруз кивнул рабыне – мол, обслужи!

– Кто таков? – сощурился Щегол на вошедшего.

– Строит из себя господина, а сам – пустое место. Служит на Серебряном подворье. Там остановился посланник с Семи Островов. Заявился, рожа заморская, с целой свитой, а застрял дольше, чем собирался, вот и нанял еще прислугу – из местных.

– Да? И долго здесь торчит этот посланник?

– С месяц.

– Долго ж я в Аргосмире не был… А ведь я сроду не видал никого с тех островов. Интересно же!.. Как зовут?

– Посланника?

– На кой мне посланник? Слугу!

– Умменес.

– Что любит?

– Хвастаться напропалую.

– Обожаю хвастунов! Что пьет?

– Лишь бы покрепче.

– Сокровище, а не парень! Я с ним уже дружу!

Щегол походкой подвыпившего человека направился в тот угол трапезной, где Метелочка поставила перед новым гостем вино и жареную рыбу. Проходя мимо Умменеса, паренек споткнулся и, чтобы не упасть, схватился за плечо сидящего выпивохи. Тот гневно вскочил. Щегол, судя по жестам, начал извиняться с таким чистосердечием и смотрел так простодушно, что Умменес сменил гнев на милость. Вскоре новые приятели сидели рядом. Умменес что-то рассказывал, размахивая руками. Щегол внимал с детским восторгом.

– Способный мальчик! – вздохнул Аруз. – Ты, Кудлатый, уговорил бы его поклониться Жабьему Рылу. Обидно будет, если такому хорошему пареньку засадят нож в спину. А заодно и мне – за то, что товар брал.

– Тебе – не знаю, – рассудил Кудлатый, разглядывая свои широкие ладони. – А вот ему – навряд ли. Ведь я рядом! Мне этот паршивец – что младший брат. Я за него любое Жабье Рыло по макушку в болото вколочу!

4

В Подгорном Мире нет ничего постоянного, незыблемого. Никогда не знаешь, какая именно складка подползла к разрыву в Грани Миров. Одни и те же Ворота могут вывести и в пустыню, и на морской берег, и на равнину, поросшую тяжелыми фиолетовыми метелками, похожими на ковыль и на развалины древнего города…

И неизвестно, кто поджидает на той стороне, щелкая клыками и исходя голодной слюной. Надо бы держать оружие наготове, но приходится стискивать руки товарищей: сквозь серый туман Ворот проходят единой цепочкой, не то разбросает всех по складке – не разыщешь потом напарников.

Подарком судьбы оказывается то, что за Гранью – не пламя вулкана и не бушующий океан, а мрачное на вид, но вполне безобидное ущелье, усеянное большими валунами: вероятно, когда-то здесь было русло горной реки…

Живая цепочка распалась. Выхватив мечи, пришельцы настороженно огляделись: они не очень-то верили в подарки судьбы.

Наконец раздался голос Нитхи:

– У нас в Наррабане говорят: на первом шагу не споткнулся – и за то спасибо дороге!

И девочка потерла предплечье, за которое только что держалась лапа Циркача.

– Не торчим здесь! – подражая голосу учителя, скомандовал Дайру. – Долго у Ворот торчать нель– зя – очень, очень может выбросить обратно!

Шенги ухмыльнулся, но промолчал.

Вся компания двинулась по ущелью. Ящер плелся последним, потому что время от времени останавливался и глядел в невероятно низкое серое небо. Небо своей родины.

Вскоре стены ущелья стали более пологими. Здесь их покрывали мелкие стелющиеся растения в крошечных шипах

– Привал! – Шенги опустился на валун. – На землю не садитесь – потом штаны от колючек не отчистите.

Он снял с пояса флягу и пустил по кругу. Каждый выпил по несколько глотков. Вода пригасила горечь, полыхавшую в горле. Уж очень противная штука – Снадобье. Но никому и в голову не пришло жаловаться на неприятный вкус. Будь благословенна память того, кто придумал Снадобье! Состав его – величайшая тайна Гильдии. Ученики узнают ее лишь после того, как пройдут испытание и наденут заветные браслеты – знак Гильдии. Тогда на разум новых Охотников будут наложены чары – и они не смогут никому рассказать, как приготовить драгоценный состав, позволяющий остаться человеком за Гранью.

Коварен Подгорный Мир, но страшнее всего в нем не чудовища, не тайны, о которых никто не может поведать людям, потому что никто не остался в живых, столкнувшись с ними. Опаснее всего тонкий яд, разлитый в воздухе. Он дает наслаждение, которого не заменят никакие радости Мира Людей. Но постепенно он захватывает человека, делает его рабом, закрывает обратный путь за Грань. Человек понемногу изменяется душой, а иногда и телом. Одни проходят этот путь за несколько лет, другие – за несколько дней…

От этой участи и хранит Снадобье – главное сокровище Гильдии…

– Ну, – сказал Шенги, вешая флягу на пояс, – вы у меня очень, очень взрослые и умные. Командуйте! Куда идем?

– Сначала – на болото, – повел плечом Нургидан. – Потом – в Аргосмир.

– Это понятно. А куда направляемся? Направо? Налево? На склон полезем?

Важность слетела с Нургидана. Он бросил беспомощный взгляд на Нитху. Та сидела тихая, молчаливая, с загадочной улыбкой вслушиваясь даже не в окружающее, а в себя.

Проводник. Умница. Талант.

Иные подолгу ходят за Грань, прежде чем научатся слышать движение складок, всем телом отзываться на их беззвучное колыхание. И каждый воспринимает это движение поразному. Для одних это шелест, для других – скрип, для третьего – тихий звон…

Нитха с первого похода в Подгорный Мир услышала шум, подобный рокоту прибоя. И с тех пор чутьем ориентируется в путанице складок, угадывая их скорость, величину, направление потока. Часто может даже сказать, что ожидает за незримой стеной складки.

Вот и сейчас – плавным движением указала вдоль ущелья, сказала задумчиво:

– Придется по пути побывать в степи. Складка узкая, пойдем поперек…

– Как это ты ухитряешься… – с завистью начал Дайру, но его остановила внезапная перемена в лице Нитхи.

– Здесь кто-то есть! – В протяжном голосе девочки слышались гортанные наррабанские нотки. – Кто-то недобрый! Враг!

– Ясное дело, есть, – лениво отозвался Нургидан. – Только сейчас учуяла?

– Не задавайся, – напряженно одернул его Дай-ру. – Кого унюхал?

– Во-он, вверху, щель темная – видите? Это вход в пещеру, а там – спрутомыши. Уж их-то вонь я ни с чем не спутаю. Сейчас эта банда спит, а то б запах кислее был.

Нитха метнула взгляд вверх и успокоилась. Из-вестная опасность – это пол-опасности.

– Вот и пусть спят, – тихо сказал Дайру. – Уста-ли зверушки, не будем их будить.

Возражений не было. Все поднялись и без лишней спешки двинулись по ущелью – в ту сторону, куда указала Нитха.

Когда они скрылись за поворотом, один из дальних валунов зашевелился и словно вырос… нет, это разогнулась скрюченная фигура, укутанная в серый плащ. Приподнялась, настороженно завертела большой головой…

Немного выждав, странное существо направилось в сторону, противоположную той, куда ушел маленький отряд. Существо бежало, склонившись к самой земле, почти задевая длинными руками замшелые сырые камни.

* * *

– Так и сказали – на болота, а потом в Аргосмир? – Голос тревожно дрогнул. Загорелая рука с серебряным браслетом Гильдии отвела полог из грязных шкур, закрывающий вход в пещеру. Под– горный Охотник вгляделся в белесый туман над ручьем. – Ты уверен, что твой Урр ничего не перепутал?

– Нет, – донесся из-за его спины ровный, невыразительный голос. – Урр не ошибается.

Подгорный Охотник не стал оборачиваться. Не хотелось лишний раз видеть, как в полумраке белеет лицо – красивое, словно вырезанное из мрамора, и такое же неподвижное. Неестественный покой этих правильных черт был почти пугающим.

Охотник подавил раздражение.

– Ну, он же рычит, как собака.

– Это не твое дело, гильдейский. Я понимаю каждое слово, сказанное Урром, а ты и не пытайся вникнуть в то, что тебе не дано.

Голос оставался монотонным, но Охотник уловил в нем горькую насмешку – и в ярости чуть не сорвал полог из шкур.

Проклятые пролазы! Почему Охотнику, взращенному и обученному в Гильдии, приходится якшаться с такой мразью? Они ведь не люди уже!

Вдруг возникло странное желание: спросить этих… этих… что погнало их в Подгорный Мир? В самый первый раз, пока в душу еще не вползла вкрадчи– вая отрава… Жадность? Тщеславие? Или Мир Людей был к ним так суров, что они рады были его покинуть? Ведь наверняка знали, что придется расплачиваться…

Впрочем, ему-то что за дело до парочки пролаз!

Внизу, в тумане, поднялась возня. Охотник встрепенулся, но сразу понял, что это змеепсы затеяли возню. Делят добычу? Играют? Или – Охотник усмехнулся – выкусывают друг у друга блох, как обычные собачонки?

Тьфу! Эти пролазы – сами Твари и с Тварями якшаются! Но они нужны ему, эти жалкие уроды. Нужны сегодня, сейчас – а потом пусть идут ко всем демонам!

Согнав с лица выражение брезгливости, Охотник обернулся к хозяевам пещеры:

– Твой Урр принес важные вести – если, конечно, это правда. Ты сам-то ему веришь, Майчели?

И опустился в низкое, с широкой спинкой кресло.

Да-да, в этой пещере, темной и сырой, стояли два кресла, узкий стол и кровать! Причем все это явно не самодельное! На обшарпанной мебели кое-где уцелел лак, над гнутыми ножками потрудился в свое время мастер-столяр. Правда, обивка давно протерлась, из-под нее лез конский волос, а по столешнице бежала трещина, но все же…

Охотник в который раз подивился: как эта «роскошь» очутилась в Подгорном Мире? Как ее сюда доставили… а главное – зачем? Тоска по нормальной человеческой жизни? Или таким нелепым способом пролазы доказывают себе, что они все еще люди, а не зверье в пещерном логове?..

Собеседник Охотника шевельнулся в кресле, по-правляя тяжелое бархатное покрывало, которым был закутан от промозглой сырости.

– Урр никогда не лжет, – сказал он. – Просто не умеет выдумывать. Это слишком сложно для него.

Темная груда у его ног завозилась, придвинулась ближе. Всклокоченная голова приподнялась, ткнулась в опущенную с подлокотника руку Майче– ли – так собака напоминает хозяину о себе и про– сит ласки.

– И как же это получилось, что твой дружок как раз сидел в засаде у Ворот? – недоверчиво скривил губы Охотник.

– Не просто у Ворот, – уточнил Майчели. – Там, куда эти ворота вывели гостей… Подгорный Мир отнял у моего напарника речь, но взамен дал некоторые свойства, о которых обычный человек и мечтать не может.

– Это он, выходит, заранее… чует?!

Хозяин пещеры не ответил, рассеянно водя кончиками пальцев по растрепанным жестким волосам существа, сидящего на полу у кресла.

Охотник заставил себя вернуться к беседе.

– Ладно, не мое это дело. Важно другое: Шенги не зря здесь объявился! «На болото, а потом в Аргосмир…» Разумеется, пронюхал про наши… дела. Если доберется до Аргосмира – будет беда.

– Твоя беда, гильдейский, – уточнил Майчели. – Не моя.

– Но я думал, что вы с Урром не захотите упустить столько… мяса! – Охотник с трудом вытолкнул это слово из горла.

Урр встрепенулся, приподнялся – по-звериному, на четвереньки. Из горла вырвалось раскатистое рычание.

Охотник с трудом сдержался, не выдал отвращения. Только отвел взгляд от лица… нет, от звериной морды с выпяченной челюстью и низким скошенным лбом, из-под которого блестели выпуклые глаза. Сходство со зверем завершали жесткие волосы, почти скрывающие эту мерзкую рожу.

Майчели чуть повернул неподвижное бледное лицо, выслушал нечленораздельные звуки, которые издавал его жутковатый напарник, и ответил все так же ровно:

– Нет, Урр, ты никуда не пойдешь. Я тебе запрещаю. Мяса у нас хватает, а Шенги – слишком опасный противник.

Рычание стало таким выразительным, что охотник без перевода понял негодование Урра.

Майчели ничего не ответил на протест напарника. Только глубже запустил пальцы в его жесткую гриву, нащупал ухо и резко крутанул.

Раздался визг. Урр вскочил было на ноги, но сразу смирился и вновь растянулся на полу, отвернувшись от Майчели и Охотника.

– Мы с Урром не намерены рисковать даром, – спокойно сказал пролаза. – С голоду не умираем, найдем добычу попроще.

Охотник тут же откликнулся на слово «даром».

– Так бы сразу и сказал! За мной не пропадет! Что вам надо: одежду, сапоги, стрелы для арбале-тов? – Он насмешливо оглядел нелепое убранство пещеры и добавил: – Может, зеркало во всю стену или жаровню с благовониями?

– Женщину, – без запинки ответил Майчели. – Женщину для Урра.

– Что-о?

– Я выразился вполне ясно. Урр давно без женщины, из-за этого он нервничает и злится. Купишь сильную, нестарую рабыню и приведешь сюда.

Урр, забыв обиду, довольно взвизгнул.

– Все равно ведь сожрете… – вырвалось у Охотника.

– Не сразу, – последовал хладнокровный ответ.

Охотник нахмурился. Конечно, жизнь рабыни – грошовая плата, когда на кону стоят интересы великих государств и его собственная судьба. И все же что-то в душе противилось такому решению. Вероятно, виной тут была не жалость к женщине, а ненависть к пролазам.

– Зачем такие сложности? Сам же сказал, что в компании Шенги есть девушка! Неужели такая страшная, что твой Урр на нее не позарится? – Едва договорив, Охотник почувствовал такое пре-зрение к себе – даже во рту горько стало!

Полузверь возбудился настолько, что вскочил на ноги и принялся подпрыгивать, радостно ухая. Но его напарник покачал головой:

– Нет. Она – ученица самого Шенги. А значит, очень опасна. Убьем ее сразу, как и остальных. Урр, прекрати кричать. Вот этот господин из Гильдии приведет тебе женщину.

И с вызовом посмотрел прямо в лицо «господину из Гильдии».

Но тот уже овладел собой и оставил наглость пролазы без внимания.

– Договорились… Но как вы их разыщете? Шенги со своими сопляками успел уже далеко уйти! Может, даже в соседнюю складку успел нырнуть. Пустишь по следу змеепсов?

– Сначала надо выйти на этот след. Этим займется Урр, а он отыскивает добычу не нюхом. У них свои секреты, но ты считай, что Гильдия уже скорбит по Совиной Лапе.

* * *

– Что плетешься, как больной ишак? – Нитха замедлила шаг, чтобы Дайру смог ее догнать. – Ой, да ты хромаешь! Сказать нашим, чтоб остановились?

– Сапоги… новые… – Дайру страдальчески скривился. – Правый еще ничего, а левый так ногу натер – до крови, наверное!

– Ой, нэни саи! И так в дальнюю дорогу?.. Ой, какой же ты дурак! Такой умный – и такой дурак, да?

– Тише, кобра, учитель услышит!

– Еще как услышит! Почему в городе ему не сказал, что сапог ногу натер?

Дайру смутился так, что даже перестал морщиться от боли.

– Да я не хотел говорить! Пока к сапожнику, пока то да се… могли день потерять…

– Ну и что? Подумаешь, день… – Девочка умолкла, остро взглянула в лицо приятелю. – Даайру! А ну, признавайся! Тебе надо было уйти из города?

Паренек не ответил, но рот его невольно разъехался в дерзкой, нахальной улыбке.

– Ты что-то натворил? С Витудагом, да? – предвкушающе взвизгнула Нитха. – Сознавайся, не– годяй!

Дайру не выдержал. Окинул довольным взглядом вечернюю равнину, колыхавшую высокие волны тугой зелено-коричневой травы.

– Ну, – начал он со скромностью художника, который беседует с почитателями своего таланта, – у меня было предчувствие. У моих хозяев могла случиться неприятность. Задержись мы, меня потребовали бы к Бавидагу, начали бы расспрашивать… Как что, так сразу я виноват…

Девушка пропустила мимо ушей последнюю фразу, явно лживую и лицемерную.

– Неприятность? Какая неприятность? – Она чуть не приплясывала. – Говори скорее, а то стукну!

– Ну, откуда мне знать… – Дайру бросил взгляд на девочку и понял: сейчас и впрямь стукнет. – Но мне почему-то кажется, что у них сбесилась выгребная яма и залила весь двор дерьмом.

От наплыва чувств Нитха задохнулась. Но и без слов, по отчаянной жестикуляции ясно было, что она требует подробностей! Немедленно! Сейчас!

Тянуть было опасно.

– Это не моя идея. Помнишь, мы гостили в Найлигриме? Там один парнишка увлекается алхимией, он мне и подсказал… не совсем алхимия, но… Дескать, если в жаркий день бросить в отхожее место немного опары, на какой у булочников тесто под-ходит, то хозяева получат массу незабываемых ощущений…

Он не успел договорить, а Нитха не успела всколыхнуть окрестности счастливым воплем. Шедший впереди учитель остановился. Нургидан огляделся и досадливо присвистнул. Ящер Циркач, до сих пор бежавший на четырех лапах и почти не заметный в высокой траве, встал столбиком и заозирался.

– Что, паучья стая? – небрежно поинтересовался Дайру, догоняя друзей.

– Она самая, – ответил Нургидан. Меч уже был у него в руке. – Уж такое наше везение… Ладно, подеремся – крепче спать будем!

– Я и без драк неплохо сплю! – капризно возразила Нитха, тоже достав меч из ножен.

– Стая? – Ящерок тревожно завертелся во все стороны. – Какая стая? Где?

– Еще далеко, – объяснил Шенги. – Видишь, вон там птицы кружатся? Это они летят над стаей. Рассчитывают на объедки.

– Волчьи пауки, – снизошел до объяснения Нургидан. – На редкость никудышные твари: ни шерсти с них, ни кожи хорошей, ни чучело набить… Хоть бы догадались шкурку попушистее отрастить или рога красивые… а то возись с ними за бесплатно!

– Очень некрасиво с их стороны! – кивнула Нитха. – Только о себе и заботятся!

При виде спокойствия двуногих приятелей Циркач приободрился, спросил с интересом:

– А есть их можно?

– Я не пробовал. И тебе не советую, – серьезно сказал Шенги. Охотник переложил меч в левую руку, грозно клацнул когтями правой.

Ящерок покосился на Дайру. Когда-то подружка-наездница растолковала чешуйчатому Братику, кто такие рабы и почему им нельзя носить оружие. Неужели этот тощий человечий детеныш будет драться голыми руками?..

Нет! Одним движением сорвал кожаный ремень. Оказывается, его холщовые штаны поддерживает матерчатый пояс, а ремень – для вида… Ого! А вот и не для вида! Вон с каким свистом эта штуковина рассекает воздух! Пряжка тяжелая, под такой удар попасть неохота!

Заметив внимание Циркача, Дайру весело подмигнул ему:

– А вон и гостей дорогих видно! Ничего стайка, морд двадцать…

Они и впрямь были недалеко, эти бурые твари размером с крупных псов. Бесформенный мешок брюха болтался меж крепкими, жесткими ногами. Над брюхом возвышалась головогрудь, покрытая хитиновым панцирем. Прежде всего в глаза бросались могучие жвала, не уступающие клыкам Циркача.

Все это ящерок разглядел мгновенно, а затем молча, как кот на мышь, прыгнул на ближайшего паука. Он не собирался трусить и отлеживаться в траве.

Паук, в которого ударил живой чешуйчатый таран, споткнулся, упал на подогнувшиеся передние ноги. Ящер оказался у него на спине, ударил клыками по неподатливому хитину.

Циркачом овладело неистовство, злая радость хищника на охоте – радость, которой молодой ящер был так долго лишен! Противник пах не так, как пахла болотная дичь его детства, но все же это была добыча, она жила, дергалась, сопротивлялась!

Увлеченный схваткой, Циркач не видел, как в самой гуще стаи восторженно орудовал мечом Нургидан. Юноша тоже горел азартом хищника, до– рвавшегося до драки. От четырех пауков, наседав-ших на него со всех сторон, летели клочья серой плоти и куски хитина.

Дайру действовал спокойнее, расчетливее. Возникнет рядом с пауком – сбоку, чтоб не попасть на страшные жвала. Точным, хлестким ударом разнесет головогрудь. И пока ослепленный, но живучий и злобный паук попытается до него дотянуться, переломает ему все шесть лап, не забывая при этом поглядывать по сторонам – не спешат ли на помощь недобитому врагу его собратья?

А вот Нитхе не повезло: громадный, покрытый сизыми шрамами паучище метко пустил в ее сторону длинную полосу слюны, густеющей на лету. Липкая лента захлестнула меч и руку. Девочка левой рукой попыталась сорвать «веревку» – опасная ошибка! Ладонь вляпалась в клейкую ленту. Пока Нитха пыталась освободиться, бурая туша надвинулась, нависла, сбила с ног. Жесткие лапы прижали девочку к земле…

Девчушка даже закричать не успела: сильная рука ухватилась за одно из жвал прямо перед ее лицом, длинные когти пробили бурый хитин. Шенги, резко разогнувшись, поднял тяжелую тварь и отшвырнул от своей ученицы.

Встав, Нитха с отвращением сорвала с рук паутину и огляделась. Учитель в помощи не нуждался: он добивал здоровенного паука, явно вожака. Нургидан развлекался, вспрыгнув на спину толстой паучихи и рубя направо и налево ее сородичей. Ящера Циркача забросали паутиной два шустрых самца, но там Нитхе делать нечего, там Дайру почти разобрался. Все-таки им повезло. Стая хоть большая, но почти одни самки, они паутиной не плюются…

Да, в стае действительно было мало самцов – а после этой заварушки остался один, совсем молодой, едва научившийся изрыгать паутину. Зато он был весьма смышлен. Увидев, что матерый вожак издох, да и прочие самцы пали в бою, молодой паучишка сообразил: ему же повезло! Он остался единственным в стае! Он теперь вожак!..

Не теряя ни мгновения, паук издал повелительный вопль, такой тонкий, что человеческие уши не уловили его. И тут же съежился: если жив хоть один самец, придется поплатиться за свою дерзость!

Но откликнулись лишь самки – с покорным шипением они покинули поле боя и ринулись наутек. Новый владыка стаи замыкал отступление, как и полагалось вожаку.

Люди, оставшиеся среди примятой травы и изуродованных паучьих трупов, перевели дыхание и огляделись.

Нургидан принялся освобождать ящера от паутины, возбужденно говоря:

– Мы разделали их, приятель! Мы их нашинковали! Размазали их, как мед по лепешке!

Циркач отвечал пронзительным стрекотом. Эти двое вполне понимали друг друга.

В стороне учитель повернул к себе за плечо Нитху и, убедившись, что на ней нет ран, принялся сердито ей выговаривать:

– Ты что, не видела, что у него жвала черные? И глаза очень, очень высоко сидят! Самец же! Надо было от плевков уворачиваться, телушка ты наррабанская!

Тем временем Дайру закусил губу и сосредоточенно, отрешившись от всего вокруг, шагнул в сторону. Длинное худощавое лицо, только что раскраснев– шееся от боевого задора, вдруг побледнело. Парнишка выждал несколько мгновений, осторожно сде– лал еще шаг…

Он выдержал бы любую битву, если бы знал, что повторится небывалое чудо, которое подарила ему судьба в начале этого лета.

Тогда тоже завершился бой – с чудовищем, похожим на зарывшегося в песок спрута. Случайный шаг – и мир необъяснимо и дивно изменился перед глазами Дайру.

Исчезли голые камни, исчезли бьющие в них прибоем волны песка. Вместо этого – деревья со светло-изумрудной листвой, щебет птиц, пение ручья. И огромные фиолетовые глаза на прелестном ли-чике.

Журчащий голос: «Ты герой, правда?..»

Нежные, теплые губы на губах Дайру…

Очнувшись от воспоминаний, парнишка поднес пальцы к губам, словно пытаясь удержать пригрезившийся поцелуй.

Бавидаг со своим сыном – будь оба прокляты! – могут нацепить на Дайру хоть два ошейника сразу! Но сам-то он знает, чей он раб – с этого лета и до последнего костра!..

И тут Дайру заметил, что учитель, выпустив плечо Нитхи, смотрит на него через «поле боя» тревожным, понимающим взглядом.

* * *

– А они неплохо потрудились, эти гильдейские! – Майчели с неподвижным лицом оглядывал останки пауков среди почти распрямившейся травы. – Как ты думаешь, Урр?

Получеловек-полузверь взрычал в ответ.

Майчели огляделся. По траве расходились волны: это свора змеепсов, сопровождающая пролаз, набросилась на падаль. Один из псов терзал мерт-вого паука-вожака почти у ног Майчели. Хозяин без приязни глядел на глотающее большие куски существо: гибкое, очень длинное тело на четырех парах коротких ног, вытянутая зубастая пасть, подвижный хвост, вислые уши, подрагивающие от жадного наслаждения…

Урр, не обращая внимания на змеепса, приплясывал и ухал – звал напарника вперед. Сейчас, на ладонях просторной и светлой степи, пролаза казался еще отвратительнее, чем в полумраке пеще– ры. Лоснящаяся безрукавка на голом волосатом торсе и заношенные штаны казались не одеждой, а частью тела, шкурой. Нелепее всего был гордо напяленный на голову шлем с поднятым забралом. Такие шлемы носят Черные Щитоносцы – силуранская тяжелая пехота. И где только Урр раздобыл это скособоченное чудо?

– Не надо спешить, – попенял Майчели напарнику и, опираясь на длинный посох, обошел змеепса.

Что-то странное было в фигуре пролазы. Пока он стоял неподвижно, эта странность скрадывалась: просто долговязый, тощий человек в нелепом балахоне, выцветшем и заплатанном. Но при ходьбе… Тело гнулось, качалось, словно вместо скелета был сплетенный из лозы каркас. И над этим раскачивающимся, до отвращения неустойчивым телом парила на длинной шее красивая голова с волнистыми локонами. По контрасту с этими прядями

цвета ночи еще белее казались неподвижные черты – лик мраморной статуи. Лишь губы едва заметно шевелились, когда Майчели говорил. Его речь, спокойно-изысканная, выдавала человека образованного:

– Сейчас мы не догоним гильдейских. Посмотри на нашу свору. Неужели ты сумеешь оторвать псов от трапезы? Мой бедный друг, я вижу: ты и сам не отказался бы от сытного ужина, если бы не эта девушка впереди!

Урр возбужденно завопил.

– Говорю же, она опасна! Впрочем, это не имеет значения. Гильдейские сейчас на границе складки, а день клонится к вечеру. Зачем лезть в болото, если можно заночевать в степи? Так что можешь ни в чем себе не отказывать. – Майчели жестом хлебосольного хозяина указал на «поле боя». – Пожалуй, и я перекушу. Еще успеем до рассвета проведать Шенги.

* * *

Вечер не опустился на степь медленно и мягко, а упал, словно дракон на добычу. Люди, смеясь, отбили его атаку дерзким пламенем костра.

Над огнем на острых прутиках жарились ломти окорока. Кость от этого окорока досталась ящеру, и тот умиротворенно ее обгладывал.

Но даже аппетитный аромат мяса не мог заглушить запахи степи – запахи темные, туманные, томящие и тревожащие. Эти запахи – и шорох нагретой за день упругой, сильной травы – прерывали беседу, заставляли людей бросать взгляды во мрак, предвещали что-то опасное, но остро дразнящее душу.

Степь пыталась приручить людей – а они не приручались! Манила – а они не шли на зов! После короткой заминки разговор струился по прежнему руслу, и люди забывали уколовшее их предвкушение неизведанного.

Вокруг костра с солидным гудением летали крупные тяжелые жуки. Вероятно, кусачие. Но людей не трогали: не привыкли к мягкой коже и горячей крови. Самые нахальные пытались атаковать ящера. Тот хватал жуков на лету, клацая по-собачьи зубами.

Среди веселых воспоминаний и дружеских поддразниваний Дайру время от времени украдкой по-глядывал на учителя. Он чувствовал, что между ним и Шенги натянута незримая ниточка. Предстоял серьезный разговор – возможно, неприятный.

Так и случилось. Перед тем как улечься возле костра, Охотник распорядился:

– Когда маленькая луна догонит большую, караулить встанет Нургидан. А пока нас посторожит Дайру. Пошли, принесем хвороста.

Дайру, внешне спокойный, поднялся и пошел за учителем в низину, заросшую рыжей цеплялкой. (Ветки мелкие, колючие, спутались хуже войлока – но горят отлично.)

Когда они вдвоем наломали ворох сухих ветвей, учитель сказал негромко:

– Сам понимаешь, придется рассказать Лаурушу про твою встречу с Вианни.

Сердце Дайру забилось жестко и упрямо. Да, он все понимал – и все же спросил дерзко, вызывающе:

– Это еще зачем?

Очень редко осмеливался он так разговаривать с учителем.

– Девочка сказала, что ее отец – «самый главный в Подгорном Мире», – мягко ответил Шенги. – Если это Хозяин… такое нельзя скрывать от Гильдии!

То, чего боялся Дайру, наконец было названо вслух.

Голос отказал мальчику. Глядя учителю в лицо, он коротко, враждебно кивнул.

* * *

Сон наваливался, застил глаза пеленой – так и хотелось их протереть! Прежде чем уронить голову на дорожный мешок, Шенги поворошил хворост в костре. Искры золотым роем ринулись ввысь, свет плеснулся на лица спящих.

Циркач свернулся клубком, спрятал голову в лапы. Выглядело это очень уютно, но Шенги немного знал повадки ящеров и понимал, что не всякая собака сравнится с Циркачом в чуткости. Вряд ли кто-нибудь сумеет подкрасться к спящему ящерку…

У Нургидана злое лицо, брови хмурятся, губы подрагивают. Наверное, ему снится недавний бой… ах, вояка! Вид такой, словно готов хоть сейчас вскочить – и снова в драку! Может, ему и придется… Подгорный Мир – не место для тихих прогулок.

Нитха спит безмятежно, словно мать поет ей колыбельную. Свет костра позолотил смуглую щеку, сомкнутые ресницы отбрасывают тонкую тень, черная коса упала на землю.

Шенги поспешно отвернулся: казалось недостойным разглядывать спящую девочку.

А ведь еще недавно все было таким простым и привычным! Нитха, малышка, ученица, сорванец! Если б не коса до пояса, так совсем бы мальчишка! Что же изменилось? И когда?

Ну, когда – это ясно. В начале этого лета, в крепости Найлигрим.

Тогда девочка вышла к трапезе в нарядном платье, ладно облегавшем гибкую фигурку, и с причудливой прической, над которой потрудились искусные рабыни. И Шенги вдруг понял: озорной ребенок превратился в красавицу.

Ну и что? Все девочки рано или поздно подрастают. А некоторые еще и хорошеют. Так почему же мучительно сладко теперь смотреть на ученицу? И по– чему в этой сладости есть что-то постыдное? Ведь Нитха снова прежняя! Носит мальчишескую одежду, хохочет во все горло, норовит подставить ножку Нургидану или Дайру. Но в каждом движении проказницы сверкает новая, родником пробившаяся красота, задорная юная женственность.

И какое дело до этого ему, Шенги? Храни Безликие, не влюбился ли старый дурень?

Бред! Вздор! Шенги был влюблен в мать Нитхи – давно, почти мальчишкой! А сейчас… А что – сейчас?..

Сон смешал мысли, одурманил, но не дал облегчения: и в сновидении длилась та же темная пытка…

* * *

Громадная ярко-желтая луна тяжело ползла по небосклону – такая низкая, что только руку протянуть… На востоке уже заметно поднялась вторая – маленькая, алая. Она спешила догнать товарку, катилась, бежала, как отставший жеребенок за ленивой кобылой. Вот-вот они встретятся – и тогда пора будить Нургидана.

Дайру, запрокинув голову, смотрел на луну. Он пытался унять смятение, но перед глазами, заслоняя пятно луны, нежно светилось тонкое юное личико с невероятными, огромными фиолетовыми глазами.

«Ты герой, да?.. А ты умеешь целоваться?»

Какая мягкая русая коса… какой журчащий голос…

Обо всем придется рассказывать чужому человеку. Во всех подробностях.

«Ни за что! Это только мое, мое!..» – кричало сердце. А рассудок беспощадно рубил: придется! Не открутишься! Если эта маленькая волшебница и впрямь дочь Хозяина…

Дайру вспомнил, как изящные ладошки девочки распростерлись над травой. Воздух сгустился, задрожал, зарябил горячим маревом. И вдруг на траве возник настоящий арбалет!

И про это придется рассказать. А ведь это был подарок для Дайру. Первый в жизни подарок! До сих пор никто, даже напарники… Шенги, правда, покупал для него одежду и башмаки, но ведь на то и учитель, чтоб заботиться об ученике…

А что говорила Вианни об отце?

«Он тут самый главный. И самый сильный. По-вашему, наверное, король…»

Ясно, это про Хозяина! Ох, Дайру, дурень в ошейнике, во что ты вляпался? С чьей дочкой посмел целоваться? Не страшно? А ты, герой, вспомни лестницу – сразу мороз по коже проберет!

Каким нелепым и в то же время пугающим было то, что показал им учитель два года назад! Голые, крутые стены ущелья – ни кустика, ни выступа. Выход засыпан давним обвалом. И дубовая лестница до самого дна. Узкая, крутая, с резными перилами. Очень смотрятся среди диких скал эти перила – кисти винограда и танцующие аисты.

Учитель рассказал: однажды в ущелье обвал накрыл троих Охотников. Когда это было? По меркам Мира Людей лет пятнадцать назад, а по здешним – кто ж знает? Не насмерть завалило парней – так, побило камнями. Выбрались они из-под осыпи и поняли, что из ущелья не выйти. Стены – не подступись, а груду камней, что закрыла путь, тронуть страшно: хлынет – засыплет всерьез.

Как только ни пробовали они вскарабкаться наверх – все без толку! Наконец смирились. Стали потихоньку подъедать припасы и ждать чуда. Припасов хватило в обрез на два дня, да денечка четыре впроголодь посидели. Надеялись: может, сдвинется складка и окажется на месте ущелья… ну, хотя бы озеро! Тогда хоть выплыть есть надежда…

Спасение пришло, откуда не ждали. Кто-то заметил узников сверху и окликнул.

В Подгорном Мире к встреченным незнакомцам относятся с опаской, на шею не бросаются и в объятиях не стискивают. Иной пролаза опаснее дракона. Но изголодавшиеся Охотники готовы были молиться на своего спасителя – и плевать, есть ли у него на запястье браслет Гильдии!

Впрочем, радость была недолгой. Незнакомец сообщил пленникам, что помочь им не может. Даже если бы у него была веревка, ее все равно не на чем закрепить. Ни одного дерева рядом, а края обрыва растрескались. Топни посильнее – осыплются. Вот если бы опустить вниз что-нибудь устойчивое – скажем, лестницу, сколоченную из шестов…

Из пропасти злобно поинтересовались: может, им подождать, пока здесь вырастет дуб с ветвями до небес?

Незнакомец долго молчал (внизу всерьез забеспокоились), а потом сообщил, что постарается спустить им лестницу. Но упаси их Безликие шагнуть на нее раньше, чем сосчитают до ста, иначе ступеньки исчезнут прямо под ногами!

То, что было дальше, каждый описывает по-разному. Один утверждает, что лестница змеей сползла со склона. Другой уверяет, что дубовые ступени выросли из камня. Третий клянется, что не было ниче– го – и вдруг возникла дворцовая красотища, вершиной чуть ли не в небеса. Сходятся в одном: холодом ударило, даже камни инеем покрылись…

Какое там «сосчитай до ста»! Охотники полдня не решались шагнуть на лестницу! Потом, правда, голод взял свое. К этому времени они уже не сомневались, с кем свел их Подгорный Мир.

Хозяин!

Темные, страшноватые слухи ходят про мага, обосновавшегося в Подгорном Мире. Кто таков, откуда – неизвестно. Но пределы его колдовской силы не прикинешь даже на глазок. К добру ли, к злу ли пользуется он своим умением? Всякое говорят…

Больше тридцати лет прошло с тех пор, как Глава Гильдии – не Лауруш, прежний – назначил награду за сведения о Хозяине. Многие охотники с тех пор получили награду. Но

как отделить правду от… нет, не от вранья, никто не посмел бы лгать Главе Гильдии… от искреннего заблуждения!

Дайру стало тошно при мысли, что ему заплатят за рассказ о Вианни. И ведь придется взять деньги, чтобы не показать, как важна для него эта коротенькая встреча!

Чтобы отвязаться от тяжелых раздумий, Дайру попытался вернуться к сиюминутным заботам. Хворост кончается, надо бы принести еще. Но вставать и тащиться в низину не хочется. Нургидан сходит, не развалится. У него-то нога не болит!

Шипя от боли, Дайру снял левый сапог и при свете костра осмотрел ногу. Ничего себе ссадина! А впе– реди день пути! Кажется, Шенги прихватил флягу «водички из-под кочки». Надо промыть натертое до крови место, не то завтра придется прыгать на одной ножке!

Мальчишка скривил губы, представив себе, как жгучая жидкость льется на ссадину. Брр! Он тихо, чтобы никого не разбудить, подтянул ближе мешок учителя и, ослабив завязки, сунул руку внутрь. Что-то гладкое, прохладное – должно быть, фляжка и есть!

Но предмет, который Дайру вытащил из мешка, совсем не походил на флягу.

Колокольчик! Тот, бронзовый, без язычка!

Дайру не спешил класть занятную вещицу на место. Покачал колокольчик на ладони, любуясь глубоким коричневым тоном рукоятки. Провел пальцем по желтой прожилке – и вспомнил сказку о золотоволосой красавице колдунье, что в Лунных горах варила в гигантском котле темный мед на пагубу роду человеческому. Герой Оммукат сбросил злодейку в ее же варево, а потом перевернул котел. Ведьмин мед растекся по горам и превратился в камень. А желтые прожилки в нем – это пряди волос прекрасной чародейки.

Красивая рукоятка – и колокольчик не хуже! В све– те костра бронзовая змейка кажется не дерзко-насмешливой, а коварной, недоброй. Вот-вот тяпнет!

Дайру показал змеиной головке язык и укоризненно постучал пальцем по бронзовой макушке. К его удивлению, головка слегка повернулась. Неужели сломал дорогую вещь?

Он поспешно обследовал колокольчик и с облегчением вздохнул: цел! Просто головку, оказывается, можно повернуть вокруг оси. Ну-ка, а если ее совсем выкрутить? Нет ли в рукоятке тайника? А если есть, то что в нем спрятано?

Но до конца головка не выкрутилась. Зато после нескольких поворотов из рукоятки выползла подрагивающая спираль с бронзовым шариком на конце. Шарик закачался в распахнутой змеиной пасти. Язычок! Вот он где спрятан! Колокольчик-то с секретом! Учитель будет доволен. А древний мастер сплоховал. Язычок мотается меж бронзовых зубов, а не задевает их. Дайру трясет колокольчиком, а ни звука…

Мальчик досадливо прикусил губу и изо всей си-лы взмахнул рукой – словно держал в руках ремень и целил тяжелой пряжкой по чьей-то зловредной голове.

Долгий звон, протяжный и властный, повис в ночном воздухе. Звук ворвался в ночь, подчинил ее себе, заставил дрогнуть пламя костра и скатился в темную траву. Дайру охнул от неожиданности и поспешно огляделся: не разбудил ли он кого-нибудь этим полуночным набатом? Нет, спят…

Вдруг мальчик с обжигающей ясностью понял, что никого он не разбудит, даже если крикнет во весь голос. Ночь свернулась вокруг незримым коконом, отрезала, отсекла все звуки – и шелест травы, и жужжание жуков, и треск хвороста в огне, и дыхание спящих товарищей. Стало страшно, но страх не успел выплеснуться наружу: по напрягшимся нервам ударил голос – звучный, ясный, чуть презрительный, четко выговаривающий каждое слово:

– Я пришел, чтобы забрать твою беду. Назови ее.

Глухая ночь, ни шороха из степи, клочья света вокруг костра…

Дайру готов был поклясться: загадочные слова родились рядом – только руку протянуть… но куда протягивать? Нет же рядом никого!

Почему-то не возникло даже мысли разбудить напарников. Странная (а возможно, и опасная) игра, что затевалась у костра, касалась только Дайру.

Не сразу решился он заговорить. Но тьма молчала и ждала. Недобро ждала – он чувствовал это!

– Кто ты? – спросил Дайру тихо, вглядываясь во мрак.

– У меня нет имени, – с еле заметным раздражением ответила мгла. – Я пришел, чтобы забрать твою беду. Назови ее.

– А если не назову? – Недоверие и страх узлами свели мышцы подростка. Рука привычно легла на пряжку пояса – но с кем драться?

– Тогда я заберу тебя, – равнодушно разъяснил голос. – Так назови же свою беду!

Заберет? Ого! Дайру не до конца поверил голосу из ночи, но рисковать не хотел.

Назвать свою беду? Да запросто! Не задумываясь! Ошейник вдруг стал тугим, стиснул горло… Но осторожность оказалась сильнее.

– Моя беда, – ответил Дайру, взвешивая каждое слово, – в том, что я натер ногу. До крови. Новый сапог, понимаешь ли, жмет.

Мрак не отозвался, но Дайру ощутил растерянность собеседника. Он чувствовал ее так же ясно, как порыв ветра из степи.

– Твоя беда, – переспросил наконец голос, – в том, что сапог натер тебе ногу?

– Угу. Левый. – Подросток почувствовал себя увереннее.

Незнакомый голос зазвучал небрежно, чуть презрительно:

– Я понял. Я забираю твою беду.

И тут же ночь взметнула звуки ветра, травы и мелких тварей вокруг костра.

Дайру впился враждебным взглядом в агатовый колокольчик. Язычка-то нет! Успел нырнуть обратно в рукоятку!

Он задумчиво повертел в руках предмет, хранящий потрясающую тайну. Положил его в мешок учителя, аккуратно завязал тесемки. Осмотрел ногу – никакой ссадины! – и натянул сапог. Встал, медленно прошелся вокруг костра.

Не болит нога! Вот не болит, и все! Сапоги сидят как влитые – что левый, что правый! Словно их любовно тачал лучший аргосмирский сапожник – специально по ноге Дайру.

Подросток вновь сел у огня и прикрыл глаза. Ему и в голову не пришло разбудить напарников и рассказать им все. Тот, кого в детстве часто били, не склонен к поспешным решениям: не вышло бы чего!

Итак, вещица – волшебная. Что ж, бывает. Но волшебство – дело коварное. Не таится ли здесь подвох? Голос, во всяком случае, Дайру не понравился. Не было в нем, знаете ли, теплого желания снять с человеческих плеч горести и печали. Впрочем, пусть он хоть черными словами бранится, лишь бы и впрямь помогал!

Ох! А если к этому духу – или кто он там? – можно обратиться лишь раз?! Ну, тогда он, Дайру, – по-следний дурень по ту и эту сторону Грани! Попросил, называется!..

На плечо подростка легла рука. Дайру дернулся, метнул злой взгляд на Нургидана, который неслышно подошел сзади.

– Даже меня не разбудил! – умилился Нурги– дан. – Несешь караульную службу не размыкая глаз! Старательный ты наш!

Дайру хотел огрызнуться, но виски вдруг сжала тяжелая мягкая усталость. Она властно отодвинула все переживания бурного дня и загадочной ночи. Завтра, все завтра…

– Хворост кончается, – выдохнул Дайру, опуская голову на мешок. – Принеси еще…

– Мог бы и сам… – строптиво начал Нургидан, но взглянул в лицо напарнику и сменил гнев на милость. – Ладно, принесу. Спи.

Дайру взглядом проводил приятеля, бредущего в низину. Что-то в походке Нургидана показалось парню странным. Но глаза сомкнулись, мысли спутались… Спать, спать!..

* * *

Враг обрушился на маленький лагерь перед рассветом, когда обе луны клонились к горизонту, а мрак только-только начал бледнеть. Мягкие зелено-коричневые колосья клонились под тяжестью росы и отвечали ветерку лишь усталым молчанием.

И из этих темных влажных зарослей молча вынырнули змеепсы, словно щуки из тины, – узкие, гибкие, беспощадные.

Ящер Циркач исчез под навалившимися на него скользкими телами, но тут же с ревом поднялся на задние лапы, стряхнув врагов. В пасти он держал змеепса, схваченного поперек туловища, и тряс его, словно крысу. Вокруг ящера лязгали острые зубы, скользя по чешуе. Самый крупный змеепес вскочил Циркачу на загривок, толчком опрокинул его – и на земле закрутился живой клубок!

Дайру яростно отмахивался поясом от двух псов, пряжка отшвыривала тварей, но они вновь лезли в атаку.

Нургидан оторвал от рубахи прыгнувшего на грудь змеепса, с отвращением швырнул наземь и каблу– ком ударил по черепу. Змеепес извернулся, нога подростка угодила в пасть. Зубы сомкнулись на голенище. И быть бы Нургидану калекой, да успел всадить меж челюстями хищника меч.

А Нитха растерялась, замешкалась, глядя на выросшую перед ней жуткую фигуру в шлеме. Лицо не лицо, пасть не пасть… Толстые губы раздвинулись, обнажая крупные острые зубы. Неужели чудовище улыбается?

– А-у-ррых! – выдохнул монстр.

Жадная нежность, нелепая среди кипящего вокруг боя, заставила девушку очнуться. Завизжав, она потянула меч из ножен. Не хватило мгновения – ужасное существо облапило ее, стиснув, словно железным обручем, больно прижав руки девочки к телу.

Пронзительно закричав, Нитха выгнулась дугой в жестких лапах. Рассудок утонул в запахе тухлого мяса и грязи. В этот миг ученица Охотника не вспоминала о приемах драки, которые показывали ей учитель и мальчишки. Просто трепыхалась в панике – и удачно угодила каблуком Урру по ноге выше ступни.

Пролаза охнул от боли и разжал объятия. Девочка упала наземь и тут же пришла в себя. Подхватив меч, перекатилась по траве – и два шипящих змеепса скрыли от нее чудовище в шлеме. Но тут уж Нитха действовала точно и быстро. Клинок встретился с зубастой пастью – и победила сталь!

Второй змеепес, сжавшись в комок, оттолкнулся от земли, прыгнул – и упал к ногам Нитхи. В длинной щучьей башке торчала стрела. Девочка даже не успела удивиться, кто из ее соратников смог выстрелить: чудовище в шлеме снова наступало на нее!

В стороне от драки Майчели быстро, но без суеты перезаряжал арбалет. Его гибкая фигура раскачивалась из стороны в сторону. Пролаза имел причины злиться. Это ж надо – пристрелить собственного пса! Разумеется, он целился в девчонку.

В свалку Майчели не лез. Он вообще избегал рукопашного боя.

А тоненькая девочка, которую Майчели считал опаснее всей прочей компании, осторожно отступала на голос Шенги: учитель только что испустил победный клич, разорвав пополам змеепса. Нитха уже овладела собой и готова была приласкать мечом это мерзкое существо в шлеме, что упорно топало за нею, продолжая ухмыляться.

До Шенги оставалось несколько шагов, когда под ногами у Нитхи трепыхнулось что-то скользкое. Издыхающий змеепес, которого только что отшвырнул Охотник, из последних сил забился и хвостом ударил девочку под колени. Та вскрикнула и упала, выронив меч.

Гигантская туша наклонилась, закрыв светлеющее небо. И Нитху вновь волной накрыл тот мерзкий запах…

Но она не успела даже закричать: ее противник вдруг разогнулся, вскинул руки к горлу, завертелся на месте. Нитха увидела, что на плечах у чудовища сидит Дайру – накинул врагу ремень на шею, пытается задушить.

Конечно, полузверь справился бы с подростком. Но подоспевший Шенги оглушил монстра ударом в подбородок и прокричал:

– Складка недалеко, отходим! Нургидан, ты где? Давай сюда! И ящера тащи! Все ко мне, а то разбросает – не соберемся!

* * *

– Вот это – лучшее, что есть меж небесами и землей? Вот это – самый прекраснейший мир из всех миров?! Вонь, тина, пиявки и деревья на ходулях!

– Вы, люди, ничего не понимаете в красоте! Да и что с вас взять, раз вы даже яйца нести не умеете!

Ящер, растянувшись на толстой ветви, свесил хвост и так шлепнул по воде, что брызги и мелкая ряска заляпали сапоги и штаны Дайру.

Циркач блаженствовал.

Да, это был мир его мечты. Мир, куда все годы плена рвались три его сердца.

Густой, плотный аромат гниющей зелени и темной, никем не потревоженной воды. Замшелые древесные стволы, поднимающиеся над водой на высоких корнях. Нежный слой ряски, кое-где пронизанный копьями тростника. Неумолчный хор всякой съедобной мелюзги. А главное – солнце! Ласковое, неяркое, почти не пробивающее тихими лучами плотный слой листвы. Хорошее солнце! Не то что злобный раскаленный шар, освещающий мир за Гранью. Как только люди дышат этим горячим воздухом, от которого мутнеют роговицы глаз и пересыхает чешуя? Весной и осенью еще терпимо, но летом…

Ящер отогнал воспоминания о мокрых тряпках, которыми в жару укрывала его сердобольная жена укротителя, и с наслаждением плюхнулся с ветки в воду. Покрывало тины разорвалось, заколыхалось, пошло вздыматься возмущенными волнами. От холодной воды заныло тело там, где зубы змеепсов сорвали чешую. Ну и ладно, заживет!

Это пустяки, не ему одному в той драке досталось. Вон Нургидан прислонился к стволу, вытянул ногу вдоль корня – а учитель бинтует ему прокушенную икру.

Закончил. Сел поудобнее на корне. Нашел взглядом плещущегося в тине Циркача:

– Что, малыш, нравится тебе здесь? Останешься тут жить?

Ящер испустил вопль восторга и шустро полез на корень, на котором сидела Нитха. Девочка встревожилась:

– Дерево, дурень, не тряси! Тут везде «бешеная капуста», вдруг кочан сорвется?!

Ящерок встревожился, третьим глазом оглядел ветви…

Ах, вот оно что! Значит, люди называют это «бе-шеной капустой»? И верно, похоже на огромные кочаны. Зеленые, сочные и, насколько помнится, вкусные. А что меж толстых листьев прячутся щупальца, которые парализуют мелкую дичь, – так ему, Циркачу, до этого дела нет, его защищает чешуя. Впрочем, у людей-то чешуи нет! Бедняги!

– А не будет тебе здесь одиноко? – спросил Шенги, не заметивший, что его успели пожалеть. – Вдруг не найдешь тут никого из ваших?

Циркач объяснил, что это люди друг за друга цепляются, а уважающий себя ящер прекрасно обходится собственным обществом. А если ищет стаю, то на брачный сезон. Или собираются единомышленники: философы, или любители древних преданий, или знатоки трав и кореньев. Охотятся вместе, а насытившись – ведут мудрые беседы. Надоест им это –

разойдутся. А бывает, самцы сбиваются в боевые стаи, чтобы очистить хорошие охотничьи территории от драконов и Клыкастых Жаб… Кстати, о Клыкастой Жабе! Надо осмотреть берег – не водится ли здесь эта мразь? Если водится, то ему, маленькому Циркачу, надо улепетывать отсюда со всех лап, подгребая для скорости хвостом!

Шенги согласился, что Клыкастая Жаба – тварь очень, очень скверная, и предложил помочь в поисках следов. Он с Нитхой пойдет направо, Циркач – налево, а Дайру и Нургидан повнимательнее осмотрятся прямо здесь: Нургидан хромает, ему трудно много ходить… Все помнят, как выглядит след хищной дряни?.. Вот и отлично. Далеко не уходить, время от времени перекликаться!

* * *

– Иди медленнее, я за тобой не успеваю! – Голос Нургидана звучал раздраженно: юноша терпеть не мог чувствовать себя слабее кого-то.

Дайру перепрыгнул прибрежную корягу и остановился, поджидая напарника. (Юноши обнаружили длинную полоску сухой земли, уводящую в болото, и теперь шли по ней, оставив позади берег, где расстались с напарниками.)

– Может, тебе дальше не идти? Оставайся тут, а я добреду вон до тех островков, осмотрю их – и назад…

– Еще чего! А если там Клыкастая Жаба? Ты с нею один будешь драться?

– Ну, с ней, если что, и вдвоем не сладить. Удирать придется.

Нургидан не соизволил ответить: обогнал напарника и, прихрамывая, пошел вперед.

Дайру прищурился ему вслед: царапнуло воспоминание, отвлекло от мыслей о тварях, которые могут таиться в топких прибрежных зарослях.

– Ты ночью, когда за хворостом ходил, тоже вроде хромал… еще до драки…

– Я?.. Ну да, – неохотно откликнулся Нургидан. – Учителю не говори. Вроде и сапог удобный, разношенный… а поди ж ты – ногу натер!

Дайру споткнулся о вылезший из земли корень.

– Ногу натер?

– Ну да. Весь день вчера ходил – ничего, а ночью проснулся – нога болит… Не хватало еще, чтоб учитель узнал… Ничего, здесь заморочник растет, так я пару листьев в сапог сунул. Да на рану три листика – скоро заживет!

Дайру резко остановился, беспомощно потер висок. Ему показалось, что над мелким болотцем, над чахлыми кустиками, над ковром ряски, расстелившимся на черной воде, прокатился низкий, протяжный звон бронзового колокольчика.

– Послушай… тут странная штука ночью вышла…

– Эй, глянь-ка, что там, впереди? – перебил его Нургидан.

Над стеной камыша – обычного, совсем как в Мире Людей! – виднелась еле заметная в тени ветвей раскидистого дерева, растущего на островке, верхушка войлочного шатра.

* * *

– Как думаешь, это наши с таким удобством расположились или пролазы? – Дайру с интере– сом оглядывал войлочную подстилку на полу, небольшую кожаную подушку, овчинный тулуп, небрежно брошенный возле холщовой дорожной сумы, и какие-то жестяные ведра с крышками.

– Мне интереснее, чем тут все пропахло, – настороженно отозвался Нургидан. – Кислый не кислый запах, пряный не пряный… Если бы я его раньше чуял – запомнил бы…

Дайру не уловил никакого запаха, но промолчал. Он знал, что его чутье нельзя даже сравнить с нюхом волка-оборотня.

Нургидан зло сощурился: все необычное, незнакомое заставляло его тревожно собираться в ожидании беды.

И беда не заставила себя ждать.

Нургидан впитывал запах, запоминал его, пытался понять – и не учуял приближения к шатру чужаков. Изощренное чутье подвело, зато выручил тонкий звериный слух.

Нургидан метнулся к выходу из шатра, рванул полог – и навстречу стукнул спусковой крючок арбалета, взвизгнула тетива…

Обычному человеку стрела с такого расстояния просадила бы череп. Но у Нургидана была волчья реакция. Стрела еще не покинула спусковую канавку, а юноша уже падал на подставленные руки. Стрела свистнула над головой оборотня, прошла мимо Дайру, который, склонившись, разглядывал холщовую суму, пробила шатер и улетела в камыши.

А Нургидан уже вскочил на ноги и выхватил из ножен меч.

Пролаза Майчели, яростно оскалившись, выдохнул что-то неразборчивое и швырнул арбалет в голову юноше, прыгнувшему ему навстречу: перезаряжать было некогда.

Увернувшись от арбалета, Нургидан взмахнул мечом. Но Майчели, воспользовавшись выигранным мгновением, ушел от удара так гибко, как не сумел бы ни один человек с нормальными костями и суставами. Рассыпая болты из колчана, пролаза буквально зазмеился от летящего на него клинка. С той же грацией пружины он не поднялся, а именно распрямился навстречу своему противнику – и меч лязгнул о меч!

Тем временем Дайру выбежал из шатра и, подняв с земли один из рассыпанных врагом болтов, по-спешно заряжал трофейный арбалет. Краем глаза он поглядывал на схватку, но гораздо больше его занимало другое, то, чего не видел Нургидан: по узкой полоске земли к островку бежал тот урод, которого в ночном бою Дайру пытался задушить ремнем!

Мощная туша распирает кожаные штаны и безрукавку. Башка в стальном шлеме склонена вперед. Длинные волосатые руки свисают почти до земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.